1904 № 215

П. И. НОВГОРОДЦЕВЪ.

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ ПО ОБЩЕЙ ТЕОРІИ ПРАВА.

ЧАСТЬ МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ.

Изданіе студенческое.

МОСКВА. 1904.

+
~~366~~
VI B4

П. И. НОВГОРОДЦЕВЪ.

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ ПО ОБЩЕЙ ТЕОРІИ ПРАВА.

ЧАСТЬ МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ.

Изданіе студенческое.

МОСКВА. 1904.

Печатается съ разрѣшенія проф. *П. И. Новгородцева.*

418440

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
П. И. К.
3175
2

Типографія Вильде, Малая Кисловка, собственный домъ.

I.

Приступая къ изложенію общихъ началъ методологіи юридическихъ наукъ, я чувствую тѣмъ бо́льшую необходимость дать Вамъ нѣсколько руководящихъ указаній въ этой области, что мы находимся несомнѣнно къ періодѣ нѣкотораго кризиса въ основныхъ воззрѣніяхъ на задачи и пріемы юриспруденціи. Историческая и догматическая разработка отдѣльныхъ дисциплинъ, какъ, напримѣръ, гражданскаго, уголовнаго, государственнаго и другихъ правъ совершается, правда, по старымъ и испытаннымъ путямъ; давно извѣстные пріемы такъ называемой юридической конструкціи, догматическаго построенія и историческаго анализа по-прежнему съ успѣхомъ примѣняются въ этихъ наукахъ. Но рядомъ съ этимъ среди юристовъ начинаютъ ставиться новыя задачи, о которыхъ съ разныхъ сторонъ все настойчивѣе повторяютъ за послѣднее время.

Вотъ уже скоро десять лѣтъ, какъ стали говорить, что юридическая наука, хотя и выполняетъ нѣкоторую важную и насущную работу, но не выполняетъ всего того, что можно и должно отъ нея требовать. Стали

раздаваться упреки въ уклоненіи отъ нѣкоторыхъ важныхъ и высокихъ задачъ, пренебрегаемыхъ современной юриспруденціей къ ущербу и для общаго блага и для ея собственной репутаціи. Для того, кто сколько-нибудь знакомъ съ развитіемъ юридической литературы за послѣдніе годы, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что эти упреки стоятъ въ ближайшей связи съ однимъ крупнымъ явленіемъ въ области нѣмецкаго законодательства. Я говорю о введеніи въ Германіи общаго гражданскаго кодекса, который, удовлетворяя давнишнимъ желаніямъ нѣмецкихъ патріотовъ, долженъ былъ положить конецъ разнообразію мѣстныхъ правъ и господству права римскаго. Само собою, что этотъ крупный фактъ долженъ былъ сразу привести въ движеніе всѣхъ мыслящихъ юристовъ. Для составленія новаго кодекса должна была совершиться колоссальная законодательная работа, къ которой были привлечены самые выдающіеся ученые и практики Германіи и которая продолжалась около 20 лѣтъ. Для наличной юридической науки такая работа всегда является пробнымъ камнемъ: въ ней обнаруживается, какъ и чѣмъ сильна текущая мысль и чего ей не хватаетъ; обнаруживается характеръ ея идеаловъ и стремленій, ея бѣдность и богатство въ этомъ отношеніи. Все это должно было обнаружиться и здѣсь. И что же, когда появился первый проектъ кодекса,—плодъ прилежной четырнадцатилѣтней работы,—послѣдовало всеобщее разочарованіе. Стали говорить о томъ, что проектъ отличается отсутствіемъ живого творчества и рабскимъ подражаніемъ римскимъ образцамъ; его назвали, въ виду

этого, извлеченіемъ изъ пандектъ, раздѣленныхъ по параграфамъ. Послѣ того проектъ былъ еще разъ передѣланъ и усовершенствованъ; но и въ этомъ второмъ изданіи онъ опять продолжалъ вызывать сѣтованія по поводу своего римскаго характера и по поводу недостатка новыхъ и смѣлыхъ стремленій, отвѣчающихъ новымъ потребностямъ времени. Объясненіе этихъ недостатковъ проекта критики его видѣли въ существующихъ пріемахъ юриспруденціи, въ ея излишней преданности авторитетамъ, въ отсутствіи у нея критическаго чутья. Здѣсь я могу говорить словами одного изъ этихъ критиковъ, нападавшихъ на проектъ, Антона Менгера: „60—70 лѣтъ въ нѣмецкой наукѣ права господствовалъ почти безусловный принципъ авторитета, была заглушаема всякая критика существующаго. Что же можно было ожидать послѣ этого отъ составителей гражданскаго уложенія, какъ не извлеченія изъ пандектъ, раздѣленнаго по параграфамъ? Наука, проникнутая вѣрой въ авторитетъ, можетъ, конечно, удовлетворять потребностямъ мелкаго научнаго обихода; но для рѣшенія великихъ задачъ ей прежде всего необходимъ свободный критическій духъ по отношенію къ существующимъ мнѣніямъ и учрежденіямъ“.

Голосъ Менгера не былъ единичнымъ. Наряду съ нимъ въ томъ же духѣ высказались и другіе. Ихъ общее мнѣніе состояло въ томъ, что наука права должна стать болѣе свободной по своимъ стремленіямъ, болѣе широкой по своимъ задачамъ, болѣе научной по пріемамъ. Виндшейдъ назвалъ какъ-то юриспруденцію служанкой за-

конодательства, — служанкой съ короной власти, прибавлялъ онъ въ утѣшеніе юристамъ. Теперь требуютъ, чтобы этому рабству былъ положенъ конецъ. Корона на головѣ служанки, замѣчаетъ Офнеръ, можетъ только обозначать, чѣмъ была или чѣмъ должна быть эта служанка; знакомъ ея дѣйствительнаго положенія остаются цѣпи. А между тѣмъ наука должна быть свободна; доктрина, которая находится въ услуженіи, отказывается отъ значенія науки. Пока юриспруденція, заключаетъ Офнеръ, не покинетъ своего ложнаго пути и будетъ оставаться только истолковательницей дѣйствующаго законодательства, она не можетъ быть научной. Она должна усвоить болѣе широкую точку зрѣнія соціальнаго изученія и принять участіе въ благородной задачѣ преобразованія права. Офнеръ, какъ и Менгеръ, одинаково требуютъ, чтобы наука права расширила свой кругозоръ и свои задачи въ сторону творчества новыхъ правовыхъ формъ.

Для насъ особенно любопытно отмѣтить, что эти стремленія не остались чужды и представителямъ исторической школы. Такъ Нейкампъ, объявляя себя сторонникомъ историческаго направленія, въ то же время примыкаетъ къ тѣмъ новѣйшимъ юристамъ, которые упрекаютъ свою науку въ недостаткѣ преобразовательныхъ стремленій. Повторяя и продолжая мысли, еще ранѣе его высказанныя Іерингомъ, Меркелемъ, Гёльдеромъ и Офнеромъ, Нейкампъ старается связать преобразовательную функцію юриспруденціи съ основными посылками исторической школы. Савиньи устранилъ изъ

юриспруденціи вопросъ о преобразованіи права, считая этотъ вопросъ вытекающимъ изъ основъ естественно-правовой философіи, и въ этомъ отношеніи послѣдующая наука осталась вѣрной его примѣру. Но въ этомъ была его ошибка, стоявшая въ противорѣчіи съ духомъ его ученія. Онъ самъ говорилъ, что развитіе права не знаетъ остановки, что оно будетъ такъ же продолжаться въ будущемъ, какъ совершалось въ прошломъ,—по тому же закону внутренней необходимости. Но въ такомъ случаѣ, замѣчаетъ Нейкампъ, юриспруденція должна такъ же обращать свой взоръ къ будущему, какъ и къ прошлому. Изъ исторіи права, изъ ея внутреннихъ законовъ она должна выводить тѣ пути, по которымъ пойдетъ его дальнѣйшее развитіе, и эта задача есть настоящая органическая часть юридической науки. Пренебреженіе ея со стороны юристовъ доказываетъ, насколько ихъ наука далека отъ своихъ насущныхъ задачъ и отъ интересовъ дѣйствительной жизни.

Но, быть можетъ, самые горячіе упреки были сдѣланы юриспруденціи не въ Германіи, а въ Россіи, на страницахъ новаго юридическаго журнала, который характерно назвалъ себя „Вѣстникомъ права“. Въ передовой статьѣ, которой открылся этотъ журналъ, припоминались заслуги старой науки права, когда въ ней господствовало направленіе естественнаго права, когда она жила въ союзѣ и дружбѣ съ философіей. Эта старая наука права „боролась за свободу, за равенство, за миръ, правду и братство между людьми и народами. Мощное слово ея разрушало вѣковые предразсудки и

суевѣрія въ правѣ, насаждало просвѣщенное и гуманное истинное право и справедливость". Обращаясь затѣмъ къ современной наукѣ права, петербургскій журналъ спрашиваетъ: „кого и на какія дѣла воодушевляютъ ученія теперешней юриспруденціи? Куда она ведетъ человѣчество? Никуда она его не ведетъ, ибо никто ея руководства не слушаетъ и не ждетъ. Внѣ ея круга, своего рода ремесленнаго цеха, никто, повидимому, не знаетъ и не интересуется знать, чѣмъ она занимается, какія темы она обсуждаетъ и какъ она ихъ рѣшаетъ". Изъ дальнѣйшихъ разъясненій мы узнаемъ, что и здѣсь главный недостатокъ юриспруденціи усматривается въ томъ, что въ ней заглушенъ критическій духъ и глубокія философскія стремленія, что въ ней возобладали практическіе интересы, и работа ея сдѣлалась мелкой, цеховой и замкнутой. Нужно создать особую дисциплину—политику права, нужно возродить духъ критики и идеальныхъ стремленій; тогда произойдетъ „возвращеніе къ завѣтамъ лучшихъ и славныхъ временъ науки права". Она усвоитъ себѣ опять творческую функцію, усвоитъ твердые принципы и будетъ вновь служить „вѣчному идеалу любви къ человѣку и высшей справедливости".

Я считаю излишнимъ умножать количество приведенныхъ цитатъ другими сходными заявленіями. Но я не могу не упомянуть здѣсь о томъ удивительномъ ростѣ интереса къ идеѣ естественнаго права, на который уже было указано въ блестящей статьѣ В. М. Гессена: „Возрожденіе естественнаго права". Каждый годъ приноситъ

намъ то новое и авторитетное осужденіе исторической школы, то попытку новой разработки проблемы естественнаго права. Возрожденіе интересующей насъ доктрины и критическое отношеніе къ старымъ основамъ юриспруденціи въ послѣдніе годы можетъ быть отмѣчено и во Франціи. Въ 1899 г. дижонскій профессоръ Жени опубликовалъ свой интересный трудъ („Méthode d'interprétation et sources en droit privé"), который представляетъ протестъ противъ традиціонной юриспруденціи. Въ 1900 г. Танонъ и Деландръ высказались противъ односторонностей историзма и соціологизма, исключающихъ идеальныя построенія; а въ 1902 г., новый юридическій журналъ, издающійся во Франціи, уже предложилъ своимъ читателямъ статью Салейля, характеризующую возрожденіе естественнаго права въ нѣмецкой и французской литературѣ. Что касается Германіи, то и здѣсь мы можемъ указать за послѣдніе года на интересныя литературныя новости. Упомяну въ особенности брошюру Бюлова, доказывающаго нѣмецкимъ юристамъ, что они слишкомъ много изучали исторію права, отвлекшую ихъ отъ живыхъ задачъ дѣйствительности; отмѣчу статью Л. Савиньи о методѣ естественнаго права, и, наконецъ, новую книгу Штаммлера, пытающагося, независимо отъ Жени, но въ томъ же духѣ, внести свѣтъ высшихъ принциповъ и обобщеній въ обработку и примѣненіе положительнаго права. Новыя работы въ этой области какъ нельзя лучше свидѣтельствуютъ, что новое движеніе въ юриспруденціи не ограничивается одними общими заявленіями, но старается придать сво-

имъ началамъ практическое приложеніе. Теперь уже невозможно сомнѣваться въ томъ, что юриспруденція стоитъ наканунѣ новаго формулированія своихъ задачъ и пріемовъ. Трудно ожидать, конечно, чтобы это реформаторское движеніе сразу охватило весь юридическій міръ. Успѣхъ въ этомъ отношеніи зависитъ не столько отъ отдѣльныхъ опытовъ и заявленій, сколько отъ общей подготовленности юристовъ къ участію въ той созидательной работѣ, къ которой ихъ призываютъ. Для того, чтобы быть къ этому готовой, юридическая наука не только должна воспринять болѣе глубокія философскія стремленія, но сверхъ того еще и проникнуться живымъ чутьемъ дѣйствительности, умѣньемъ слышать неумолкающее біеніе жизни и отзываться на великія задачи времени. Созидательная работа мысли въ области правовыхъ идеаловъ не можетъ прекратиться, но она можетъ остаться чуждой для юристовъ. Однако, крупной и знаменательной работа юриспруденціи можетъ быть только тогда, когда она исходитъ отъ идеальныхъ началъ и вдохновляется ими; когда она, свободно обозрѣвая свой матеріалъ, возвышается надъ нимъ во имя высшихъ принциповъ. Безъ этого ей остается полезная, конечно, но чисто техническая задача приспособленія законодательнаго матеріала для нуждъ практическаго оборота.

Возвращаясь еще разъ къ приведеннымъ выше заявленіямъ о необходимости выполнить задачи юриспруденціи разработкой путей будущаго развитія права, я отмѣчу, что эти заявленія связываютъ обыкновенно указываемую

ими новую задачу съ однохарактернымъ стремленіемъ стараго естественнаго права. Даже Нейкампъ говоритъ, что тотъ важный вопросъ, который онъ поднимаетъ, давно уже разрабатывался естественно-правовой доктриной (S. 67). Такимъ образомъ прямо или косвенно авторы этихъ заявленій приходятъ къ признанію заслугъ естественнаго права. Если не всѣ они хотятъ возрожденія его методы, то всѣ требуютъ возстановленія той проблемы, которая всегда была для него центральной, т. е. проблемы преобразованія права. Духъ созиданія и творчества, который повѣялъ въ нѣмецкой юриспруденціи при подготовкѣ новаго гражданскаго уложенія, невольно отразился на пониманіи задачъ науки. Старыя рамки исторической школы оказываются узкими; требуются новые пути и пріемы. Но подготовленіе гражданскаго кодекса было для этого только частнымъ поводомъ. У тѣхъ юристовъ, которые болѣе сознательно и твердо выступали съ предложеніемъ новыхъ научныхъ перспективъ, чувствовалось сознаніе нѣкоторыхъ коренныхъ запросовъ текущей эпохи, съ которыми юристъ долженъ считаться. Для нихъ было ясно, что рѣчь идетъ не о мелкихъ техническихъ поправкахъ, которыя вполнѣ выполнимы при помощи средствъ наличной науки, а о серьезной принципіальной переработкѣ многихъ частей права. Было очевидно, что гражданское законодательство должно вступить въ новую эру, и промелькнувшая тамъ и здѣсь мысль о соціальныхъ задачахъ частнаго права свидѣтельствовала о томъ, что юристы не остались чужды предчувствію новой эры. Но именно эта потребность прин-

ципіальной переработки права наталкивала на мысль о созданіи новой юридической дисциплины. Тутъ уже недостаточны были техническія средства юриспруденціи. Необходима была гораздо болѣе широкая система научныхъ понятій и средствъ, для того чтобы выйти за черту мелкой техники.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что и въ нѣмецкой литературѣ возрожденіе естественнаго права вызывается глубокой потребностью жизни, которая, настойчиво заявляя о себѣ, обращаетъ мысль къ новымъ перспективамъ. Если теперь идея естественнаго права дѣлаетъ, по словамъ В. М. Гессена, „съ каждымъ годомъ, почти съ каждымъ днемъ, чудовищно-быстрые успѣхи“, то это объясняется тѣмъ, что дни исключительнаго историзма сочтены. Принципіальная обработка правовыхъ принциповъ, выясненіе идеаловъ будущаго, преобразованіе права въ свѣтѣ новыхъ жизненныхъ началъ требуетъ особыхъ пріемовъ мысли и особой научной подготовки. Одной исторіи права, даже и въ той постановкѣ, о которой говоритъ Нейкампъ, здѣсь недостаточно. Напротивъ, тутъ прямо требуется разрывъ съ традиціями исключительнаго историзма и переходъ къ новымъ точкамъ зрѣнія. Требуется именно возрожденіе естественнаго права съ его апріорной методой, съ идеальными стремленіями, съ признаніемъ самостоятельнаго значенія за нравственнымъ началомъ и нормативнымъ разсмотрѣніемъ.

II.

Для того, чтобы разобраться въ этихъ новыхъ требованіяхъ, мы должны предварительно ознакомиться съ тѣми направленіями, которыя смѣнились въ наукѣ права за послѣднее время. Намъ нѣтъ необходимости брать направленія второстепенныя и менѣе значительныя, достаточно характеризовать тѣ школы, которыя болѣе важны по ихъ значенію для современнаго строя мысли. Я имѣю въ виду школу естественнаго права и школу историческую.

Начну съ общей характеристики естественнаго права.

Понятіе естественнаго права принадлежитъ къ числу самыхъ древнихъ категорій философіи права и юриспруденціи. Естественное право издавна противопоставляется положительному, во-первыхъ, какъ совершенная идеальная форма—несовершенной существующей, и во-вторыхъ, какъ норма вытекающая изъ самой природы и потому неизмѣнная—измѣнчивой и зависящей отъ человѣческаго установленія. Что касается перваго противопоставленія, то оно обусловливается не только вѣчнымъ противорѣчіемъ идеала съ дѣйствительностью, но также и нѣкоторыми особенностями положительнаго права, которыя обостряютъ и подчеркиваютъ это противорѣчіе. Положительные законы разсчитываются обыкновенно на долговременное примѣненіе. Какъ нормы общія и твердыя, они не могутъ измѣняться съ каждымъ измѣненіемъ отношеній, для которыхъ они созданы — а между тѣмъ

жизнь уходитъ впередъ и требуетъ для себя новыхъ опредѣленій. Даже самые лучшіе законы рѣдко удовлетворяютъ всѣхъ; разнообразіе общественныхъ интересовъ не можетъ найти для себя полнаго примиренія въ законодательствѣ. Отсюда протесты противъ положительнаго права, облекаемые въ форму требованій права естественнаго. Постановленія положительнаго права объявляются измѣняющимися и произвольными; естественное право ставится надъ ними, какъ нѣкоторая высшая форма, черпающая свою силу въ требованіяхъ природы.

Предположенію о существованіи права, вытекающаго изъ природы, способствовало и то наблюденіе, что среди опредѣленій каждаго права есть извѣстныя положенія, какъ будто бы независящія отъ произвола людей и предустановленныя самой природой. Это наблюденіе заставляло въ самомъ дѣйствующемъ правѣ открывать слѣды права естественнаго и различать въ юридическихъ установленіяхъ неизмѣнныя и естественныя опредѣленія отъ измѣнчивыхъ и произвольныхъ. Такимъ образомъ, издавна концепція естественнаго права имѣла двоякій составъ: она покоилась на практическомъ требованіи болѣе совершеннаго права и на теоретическомъ наблюденіи естественной необходимости извѣстныхъ правоположеній. Эти два элемента могли поддерживать другъ друга, но не могли быть сведены одинъ къ другому: въ первомъ случаѣ естественное право ставится надъ положительнымъ, во второмъ оно является лишь извѣстной частью положительнаго права. Въ историческомъ развитіи естественноправовой дактрины можно постоянно наблюдать эту

двойственность его концепціи. Греческая философія еще въ до-Сократическій періодъ знала противоположеніе естественнаго права и положительнаго. Софисты, въ противоположность древне греческому воззрѣнію на верховное значеніе законовъ, утверждали, что всѣ законы, какъ и самая справедливость, обязаны своимъ происхожденіемъ человѣческому установленію: слѣдуя своимъ случайнымъ взглядамъ, люди безпрестанно измѣняютъ свои законы, которые носятъ, поэтому, печать условности и относительности. Изъ этого воззрѣнія само собою вытекало извѣстное, хотя и чисто отрицательное представленіе о естественномъ правѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и критическое отношеніе къ положительному праву. Нѣкоторые софисты, въ связи съ свойственнымъ имъ индивидуализмомъ, высказывали мнѣніе, что законы должны служить къ охранѣ личной свободы, которая только и можетъ считаться сообразной съ природой. Здѣсь намѣчалось уже извѣстное представленіе объ естественномъ правѣ. Еще яснѣе это представленіе выразилось у Сократа, который говорилъ, что существуютъ извѣстные неписанные божественные законы, съ которыми человѣческіе законы должны сообразоваться. Для пониманія этихъ законовъ нужно знаніе, которое и должно лежать въ основѣ государственнаго управленія. Платонъ развилъ эту мысль въ своемъ „Государствѣ“, начертавъ естественное, сообразное съ божественной справедливостью государственное устройство. Дѣйствительныя формы, встрѣчающіяся обыкновенно въ жизни, онъ считаетъ отклоненіями отъ истиннаго идеала. Это противопоста-

вленіе идеальной формы извращеннымъ, встрѣчающееся затѣмъ и у Аристотеля, является своеобразнымъ выраженіемъ того же контраста между идеаломъ и дѣйствительностью, которое лежитъ въ основѣ различія естественнаго права и положительнаго. У Аристотеля встрѣчаются термины δίκαιον φύσει и δίκαιον νόμῳ, хотя, употребляя эти термины, онъ имѣетъ въ виду не идеальныя нормы, а тѣ „естественныя“ опредѣленія, которыя существуютъ у различныхъ народовъ, какъ бы въ силу необходимости и независимо отъ человѣческаго мнѣнія. Подобное представленіе о естественномъ правѣ воспроизводится, затѣмъ, у стоиковъ, отъ которыхъ оно переходитъ къ римскимъ юристамъ. Естественное право римскихъ юристовъ представляетъ собою также ту часть дѣйствующаго права, которая будучи обусловлена самой природой, отличается необходимостью и всеобщностью распространенія. Таковы, напримѣръ, нормы, опредѣляющія различіе людей въ зависимости отъ возраста, раздѣленіе вещей на различныя юридическія категоріи въ связи съ различіемъ ихъ естественныхъ свойствъ и т. п. Средневѣковый взглядъ воспроизводитъ эту точку зрѣнія, подкрѣпляя лишь силу естественнаго закона авторитетомъ Св. Писанія. Такъ, напр., въ декретѣ Граціана естественное право опредѣляется такъ: jus naturale est quod in lege (Mosaisa sc.) et evangelio continetur. Въ другомъ мѣстѣ декрета находимъ слѣдующее опредѣленіе: jus naturale est commune omnium nationum, eo quod ubique instinctu naturae, non constitutione aliqua habetur. У Ѳомы Аквинскаго также можно видѣть отра-

женіе римскихъ воззрѣній; въ подробностяхъ его ученія сказывается, кромѣ того, вліяніе Аристотеля. Наконецъ, ко всему этому присоединяются спеціально средневѣковые богословскіе элементы.

Основу естественнаго права Ѳома Аквинскій видитъ въ законѣ Божественномъ, который получаетъ у него значеніе универсальнаго закона вселенной—lex aeterna est ratio gubernativa totius universi in mente divina existens. Ѳома Аквинскій создастъ при этомъ довольно сложное раздѣленіе, различая законъ Божественный и вѣчный, естественный и человѣческій. Особенность его воззрѣнія, сравнительно съ римскимъ и Аристотелевскимъ, состоитъ въ томъ, что у него подчеркивается идеальное значеніе естественнаго права, какъ нормы, опредѣляющей достоинство существующихъ установленій. Человѣческій законъ имѣетъ силу лишь постольку, поскольку онъ согласенъ съ естественнымъ. Законы несправедливые необязательны для подданныхъ, хотя ихъ не запрещается исполнять; но если эти законы несогласны съ Божественными установленіями, то они ни въ какомъ случаѣ не должны быть исполняемы, такъ какъ Богу слѣдуетъ повиноваться болѣе, чѣмъ человѣку. Это утвержденіе чрезвычайно характерно для средневѣковой доктрины естественнаго права. Вопросъ объ отношеніи положительнаго права къ естественному имѣлъ не только теоретическое, но и практическое значеніе. Въ борьбѣ съ свѣтской властью сторонникамъ теократіи постоянно приходилось ставить вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ слѣдуетъ повиноваться государственнымъ предписаніямъ и

И 18440

законамъ. Отвѣтъ на это самъ собою вытекалъ изъ взгляда средневѣковой теократіи на положеніе свѣтскихъ правителей. Князья правятъ въ силу полномочій, полученныхъ ими отъ церкви. Надъ ними стоитъ высшій Божественный законъ, съ которымъ они должны сообразоваться. Если они становятся въ противорѣчіе съ этимъ закономъ, ихъ воля перестаетъ быть обязательной. Теократическая доктрина охотно призывала при этомъ на охрану Божественнаго закона самихъ подданныхъ, которыхъ она учила сопротивляться властямъ, нарушающимъ Божественныя предписанія. Теократическія начала сочетались здѣсь съ демократическими. Подробное развитіе этихъ взглядовъ мы встрѣчаемъ, еще до Ѳомы Аквинскаго у писателя XI в., Іоанна Салюсбюрійскаго. Вообще, въ средніе вѣка мы можемъ прослѣдить въ зародышѣ всѣ основныя черты позднѣйшей доктрины естественнаго права. Если многія изъ этихъ чертъ встрѣчаются и въ древности, то лишь въ средніе вѣка онѣ получаютъ болѣе отчетливое выраженіе, подъ вліяніемъ того практическаго значенія, которое получила въ это время идея естественнаго права. Таковы въ особенности знаменательныя теоріи первобытнаго договора и народнаго суверенитета. Возникнувъ помимо естественно-правовой доктрины и не составляя необходимаго предположенія—такъ какъ утвержденіе высшаго критерія, стоящаго надъ положительнымъ закономъ, возможно и независимо отъ этихъ теорій,—онѣ вскорѣ соединились въ одно стройное цѣлое съ естественно-правовой идеей, вслѣдствіе того внутренняго сродства, которое ихъ сбли-

жало. Обѣ онѣ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали основному стремленію естественнаго права — поставить надъ властью нѣкоторыя высшія инстанціи, съ которыми она должна сообразоваться. Первобытный договоръ игралъ, при этомъ, роль юридическаго основанія для притязаній подданныхъ по отношенію къ верховной власти; онъ предопредѣлялъ ея дѣятельность, ставилъ для нея извѣстныя границы. Утвержденіе неотчуждаемаго народнаго суверенитета было логическимъ дополненіемъ идеи первобытнаго договора и дальнѣйшимъ формулированіемъ юридической зависимости правительства отъ общества; при помощи этой идеи установлялось для народа постоянное право контроля и верховенства надъ правящей властью. Первобытный договоръ считался тѣмъ моментомъ, въ силу котораго люди отъ естественнаго состоянія переходятъ къ государственному; но, возникнувъ по опредѣленію воли народной, государство должно навсегда остаться подчиненнымъ этой волѣ. Средневѣковая теорія уже успѣла обратить всѣ эти идеи въ затверженныя аксіомы, когда Гуго Гроцій связалъ ихъ литературную судьбу съ славой своего знаменитаго трактата „О правѣ войны и мира“ и обезпечилъ имъ широкое распространеніе въ новой философіи права. Гроцій не былъ „отцомъ естественнаго права“, какъ его иногда называютъ. Его значеніе состоитъ въ томъ, что онъ положилъ начало обособленію естественнаго права отъ богословія и ввелъ въ эту область раціоналистическую методу. Однако, и въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ предшественниковъ въ протестанскихъ писателяхъ Ольден-

дорпѣ, Геммингѣ и Винклерѣ, у которыхъ можно открыть первыя, хотя и робкія, попытки къ освобожденію отъ схоластическихъ путъ.

Болѣе важной, хотя и менѣе рѣзко выраженной особенностью Гроція является то, что онъ, въ отличіе отъ прежнихъ теоретиковъ естественнаго права, начинаетъ употреблять преимущественно выраженіе „jus naturae“ вмѣсто „lex naturae“. По опредѣленію Винклера, характерному для этой эпохи, къ которой онъ принадлежалъ, законъ отличается отъ права, какъ причина отъ слѣдствія (dicemus legem a jure differre, ut constituens a constituto, causam ab effectu). Напротивъ, со времени Гроція на первое мѣсто становится право—прирожденное право личности, которое должно составлять цѣль всякаго законодательства. Самъ Гроцій не употребляетъ выраженія „jura connata“, но понятіе у него намѣчается: основой общежитія онъ считаетъ уваженіе къ тому, что принадлежитъ отдѣльнымъ лицамъ (societas eo tendit, ut suum cuique salvum sit communi ope et conspiratione). Съ этихъ поръ естественно-правовая доктрина запечатлѣвается тѣмъ индивидуализмомъ, который составляетъ ея отличительную черту въ новое время и который многіе принимали за самую ея сущность. Въ качествѣ идеала, создаваемаго въ виду несовершенствъ существующаго порядка, естественное право могло служить для самыхъ различныхъ стремленій. Примѣръ Гоббса показываетъ, что естественно-правовымъ методомъ можно было пользоваться и для оправданія абсолютизма. Несомнѣнно, однако, что ни на какой иной почвѣ, кромѣ индивиду-

ализма, естественно-правовая доктрина не могла получить такого широкаго развитія. Поскольку она являлась результатомъ практическихъ стремленій, она всегда заключала въ себѣ, вмѣстѣ съ протестомъ противъ положительнаго права, и протестъ противъ власти, отъ которой послѣднее исходитъ. Въ качествѣ границы для этой власти можно было указывать на высшій нравственный законъ, на волю Божію, какъ это часто дѣлали въ средніе вѣка; но еще чаще, въ качествѣ противовѣса власти, выставлялись притязанія отдѣльныхъ лицъ. Эта индивидуалистическая тенденція позднѣйшаго естественнаго права въ особенности была подчеркнута присоединеніемъ къ нему теорій первобытнаго договора и народнаго суверенитета, которыя обѣ имѣли ясно выраженный индивидуалистическій характеръ. Первобытный договоръ былъ ничѣмъ инымъ, какъ соглашеніемъ личности съ государствомъ; народный суверенитетъ представлялъ собою объединеніе личныхъ воль въ одно цѣлое, противополагавшееся государственной власти. Не случайнымъ является то обстоятельство, что индивидуалистическія стремленія естественнаго права развились съ особенной силой въ новое время, когда государственное начало получило преобладающее значеніе и въ борьбѣ съ разрозненностью общественныхъ силъ нерѣдко склонялось къ отрицанію ихъ самостоятельности. Протестантское движеніе, съ свойственнымъ ему стремленіемъ къ утвержденію свободы совѣсти и мысли, дало новый толчокъ къ развитію естественнаго права въ индивидуалистическомъ направленіи. На этой именно почвѣ впер-

вые формулируется практическое требованіе неотчуждаемыхъ правъ личности. Каждый разъ, когда государство угрожало личной свободѣ, естественно-правовая доктрина выступала съ напоминаніемъ объ этихъ неотчуждаемыхъ правахъ, о договорѣ, заключенномъ личностью съ государствомъ, о народномъ суверенитетѣ, которому должно принадлежать рѣшающее значеніе. Разсматриваемое съ этой точки зрѣнія, естественное право является отзвукомъ той роли, которая принадлежала личному началу въ первоначальныхъ политическихъ соединеніяхъ, и выраженіемъ того самостоятельнаго значенія личности, которое должно оставаться ея неприкосновеннымъ достояніемъ при всякихъ формахъ политическаго устройства. Въ этомъ видѣ естественное право является болѣе чѣмъ требованіемъ лучшаго законодательства: оно представляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, протестъ личности противъ государственнаго абсолютизма. Та форма, которую придалъ естественно-правовой доктринѣ Гуго Гроцій, воспроизводится, затѣмъ, въ нѣмецкихъ ученіяхъ XVII и XVIII ст. Главнѣйшими представителями этого направленія въ Германіи являются Пуфендорфъ и Томазій, Лейбницъ и Вольфъ. Одновременно съ этимъ естественное право развивается и въ Англіи. Мильтонъ, Сидней и Локкъ являются наиболѣе талантливыми и видными его теоретиками на англійской почвѣ (Гоббсъ, какъ замѣчено выше, соединяетъ методъ естественнаго права съ системой абсолютизма, но это соединеніе не могло быть прочнымъ вслѣдствіе внутренняго противорѣчія метода съ содержаніемъ). Англійская

школа стояла ближе къ практическимъ событіямъ времени, къ той политической борьбѣ, въ которой крѣпла англійская политическая свобода. Вслѣдствіе этого англійскія ученія получили гораздо болѣе радикальный характеръ. Извѣстныя практическія тенденціи не были чужды и нѣмецкимъ писателямъ: раціоналистическій методъ и индивидуалистическія стремленія естественнаго права явились и въ Германіи освободительными и прогрессивными элементами въ борьбѣ съ остатками средневѣковаго гнета надъ мыслью и совѣстью. Однако, эти стремленія не имѣли здѣсь той рѣзкой опредѣленности, какъ въ Англіи и впослѣдствіи во Франціи. Наряду съ индивидуалистическими утвержденіями мы встрѣчаемъ въ нихъ то остатки средневѣковыхъ католическихъ взглядовъ (напр. у Лейбница), то систему нравственнаго деспотизма (напр., у Вольфа). Но во всякомъ случаѣ и въ этомъ видѣ нѣмецкая философія права имѣла немалыя заслуги предъ прогрессомъ и просвѣщеніемъ. Однако, если мы остановимся только на этихъ заслугахъ естественнаго права, мы никакъ не поймемъ послѣдующей реакціи противъ него. Между тѣмъ у него были и свои недостатки, и вотъ они то объясняютъ намъ съ одной стороны возстаніе противъ него послѣдующихъ юристовъ, а съ другой стороны заслуги этихъ юристовъ, которыхъ также не слѣдуетъ забывать. Это очень важная для насъ сторона, и я обращаю на нее ваше вниманіе, такъ какъ иначе наши сужденія объ этихъ позднѣйшихъ юристахъ будутъ несправедливы. Не надо забывать одного, что философія права въ XVII и XVIII вѣкахъ процвѣ-

тала, а юриспруденція была въ упадкѣ, и притомъ въ самомъ жалкомъ упадкѣ. Если говорить о Германіи, то юриспруденція почти не выставила за это время крупныхъ ученыхъ силъ. Оттого ли, что своей первичной методой она не могла воспитать хорошихъ юристовъ, или оттого, что лучшіе ученые обратились въ другія области; но это фактъ—крупныхъ юристовъ за это время мы не знаемъ. Есть много замѣчательныхъ именъ, посвящающихъ себя разработкѣ философіи права—таковы Пуфендорфъ, Томазій, Лейбницъ и Вольфъ, но положительнымъ правомъ они не занимаются. Предоставленная себѣ, замкнутая въ своемъ кругу, юриспруденція не могла выйти на новую дорогу. Въ этомъ была отчасти повинна философія—не потому, чтобы она обусловливала этотъ упадокъ, а потому, что она не могла его устранить. Главная причина упадка лежала, конечно, въ самой юриспруденціи, въ недостаткѣ ея собственныхъ средствъ. Философія права была дѣятельна въ установленіи новыхъ идеаловъ и въ ихъ распространеніи,—но она просто не обращала вниманія на нужды юриспруденціи и на обработку положительнаго права, которое она отрицала. Но и помимо этой косвенной вины, философія естественнаго права была дѣйствительно виновата въ нѣкоторыхъ теоретическихъ заблужденіяхъ. Объ нихъ говорятъ очень часто, быть можетъ, слишкомъ часто, и я едва ли скажу вамъ что-либо новое, повторивъ эти обычныя объясненія. Прежде всего, старое естественное право отрицало исторію и историческое развитіе; оно считало возможнымъ создать нѣкоторый идеалъ, при-

годный для всѣхъ странъ и народовъ; затѣмъ, оно думало, что этотъ идеалъ можетъ быть осуществленъ по волѣ законодателя, не взирая ни на какія историческія условія. Все это были, конечно, ошибки, которыхъ нельзя повторять въ наше время. Еще хуже было то, что эта замѣчательная школа, какъ всякая школа, имѣла своихъ эпигоновъ и вульгаризаторовъ. Это особенно слѣдуетъ сказать о Германіи. Во Франціи и Англіи критическія стремленія естественнаго права поддерживались потребностями практической борьбы. Въ Германіи естественное право выродилось подъ конецъ въ систему оправданія права положительнаго. Первоначально оно было орудіемъ раціоналистической критики существующаго, орудіемъ борьбы противъ средневѣковыхъ суевѣрій и предразсудковъ; но при помощи разума можно было одинаково и осуждать существующее и оправдывать его, если только являлось соотвѣтствующее настроеніе. И вотъ случилось такъ, что естественное право было обращено здѣсь на то, чтобы санкціонировать существующіе законы. Положенія римскаго права и существующія нѣмецкія установленія безъ дальнѣйшихъ колебаній переносились въ учебники права естественнаго подъ именемъ вѣчныхъ и необходимыхъ требованій разума. Нѣмецкіе философы права второй руки не стѣснялись вообще въ своихъ догматическихъ построеніяхъ: по свидѣтельству одного изъ ихъ противниковъ, Густава Гуго, они одинаково готовы были выводить изъ неизмѣнныхъ требованій разума и французскую конституцію, и священную римскую исторію. Это было, конечно, зло-

употребленіе именемъ естественнаго права; но оно было, и это очень важно для насъ отмѣтить. Такъ создалась та система плоскаго и поверхностнаго догматизма, которая одинаково грѣшила и противъ исторіи, и противъ философіи, и противъ юриспруденціи и которая еще въ XVIII вѣкѣ вызвала вполнѣ законную реакцію со стороны историческаго направленія, слава котораго связана прежде всего съ именемъ Савиньи. Разсмотрѣніе идей исторической школы мы и начнемъ съ этого главнаго ея родоначальника.

III.

Какъ извѣстно, Савиньи былъ вызванъ къ формулированію своей программы появленіемъ брошюры гейдельбергскаго юриста Тибо, требовавшаго созданія для Германіи обще-гражданскаго кодекса. Тибо издалъ свою брошюру въ то время, когда Германія, освободившись отъ французскаго владычества, почувствовала себя возрожденной къ новой жизни. Идея національнаго единства, пробужденная совокупнымъ дѣйствіемъ всѣхъ силъ націи противъ общаго врага, вдохновляла нѣмецкихъ патріотовъ къ составленію различныхъ плановъ объединенія. Въ числѣ другихъ высказался и Тибо, предлагая поставить для Германіи обще-гражданскій кодексъ, который послужилъ бы основой для общей жизни, покончивъ съ разнообразіемъ мѣстныхъ правъ и господствомъ римскаго законодательства. Тибо не скрываетъ, что хорошіе законы—дѣло трудное; тѣмъ не менѣе, онъ го-

воритъ о составленіи новаго кодекса съ очевиднымъ преувеличеніемъ реформаторскихъ силъ законодателя, требуя отъ него полной отмѣны дѣйствующихъ законовъ. Увѣренный въ возможности скораго преобразованія историческихъ установленій, онъ требовалъ немедленно водворить въ Германіи нѣкоторое идеальное право. Достаточно лишь прикосновенія къ прошлому, думалъ онъ, чтобы сдѣлать шагъ къ новой цѣли. Когда Савиньи возвысилъ свой голосъ противъ этихъ предложеній, это былъ вмѣстѣ съ тѣмъ голосъ новаго вѣка и новаго періода умственнаго развитія. Возражая на брошюру Тибо, Савиньи затронулъ основныя положенія исторической философіи XVII вѣка. Отъ практическаго вопроса о кодификаціи онъ перешелъ къ общимъ разсужденіямъ о происхожденіи права и развилъ при этомъ цѣлую теорію правообразованія, въ духѣ новыхъ историческихъ воззрѣній. Въ области юриспруденціи никто еще не высказывалъ до него этихъ воззрѣній съ такой увѣренностью и опредѣленностью. Талантливая форма изложенія и принципіальная постановка вопроса, которымъ интересовались всѣ, обратили на его произведеніе общее вниманіе. Оно сдѣлалось программой новой школы.

Основой воззрѣнія Савиньи на исторію является то объективно-историческое созерцаніе, которое со времени Шеллинга стало достояніемъ нѣмецкой философіи. Подобно современнымъ ему философамъ, Савиньи думаетъ, что историческій процессъ управляется закономъ внутренней необходимости. Жизнь народовъ, какъ и от-

дѣльныхъ лицъ, ни на минуту не знаетъ абсолютнаго застоя и находится въ постоянномъ движеніи, но это движеніе имѣетъ характеръ органическаго и закономѣрнаго развитія, исключающаго всякую мысль о случаѣ и произволѣ. Послѣднее утвержденіе служитъ отличіемъ Савиньи отъ Канта и Шеллинга. Корифеи идеалистической философіи согласно учили, что общій планъ, съ необходимостью осуществляющійся въ исторіи, допускаетъ частныя отступленія и произвольныя дѣйствія. Савиньи, напротивъ, очень настаиваетъ на томъ, что историческій процессъ совершается независимо отъ индивидуальнаго произвола. Въ своемъ стремленіи подчеркивать органическій характеръ исторіи онъ приходитъ къ крайнему выводу, отрицающему всякое участіе человѣческой воли въ историческомъ развитіи.

Этотъ выводъ подкрѣпляется въ доктринѣ Савиньи ученіемъ о національномъ сознаніи, какъ источникѣ историческихъ проявленій народной жизни. Всѣ эти проявленія имѣютъ, по его мнѣнію, свою послѣднюю основу въ общемъ убѣжденіи народа, одинаково присущемъ всѣмъ его членамъ.

Съ самаго начала исторіи право, подобно языку, нравамъ и учрежденіямъ, имѣетъ опредѣленный характеръ, свойственный данному народу. Всѣ эти проявленія народной жизни въ дѣйствительности неразрывно связаны между собой и только представляются намъ обособленными. Ихъ связью служитъ общее убѣжденіе народа и одинаковое чувство внутренней необходимости, исключающее всякую мысль о случайномъ и произвольномъ происхож-

деніи. Подобно возникновенію, и дальнѣйшее развитіе права стоитъ въ органической связи съ сущностью и характеромъ народа: имъ управляетъ тотъ же законъ внутренней необходимости. Заключенное первоначально въ общемъ сознаніи народа, оно начинаетъ разрабатываться, съ развитіемъ культуры, сословіемъ юристовъ. Но и здѣсь оно не перестаетъ быть частью народной жизни и продолжаетъ развиваться путемъ органическимъ. Такимъ образомъ, все право повсюду создается не произволомъ законодателя, а при посредствѣ внутреннихъ, незамѣтно дѣйствующихъ силъ, какъ право обычное.

Итакъ, согласно съ этимъ воззрѣніемъ, развитіе права, какъ и другихъ сторонъ народной жизни, совершается въ сферѣ безличнаго народнаго духа, въ которую не проникаютъ ни страсти людей, ни случайныя превратности исторіи. Это придаетъ положительному праву особенное значеніе. Какъ органическій продуктъ внутреннихъ силъ народа, оно пріобрѣтаетъ высшій авторитетъ и становится одинаково неприкосновеннымъ какъ для общества, такъ и для правительства. Съ этой точки зрѣнія, теоретическія построенія идеальнаго права должны казаться жалкими попытками субъективнаго разума измѣнить естественное теченіе исторіи. Мы должны, однако, разъяснить здѣсь, что органическая теорія Савиньи вовсе не стояла въ противорѣчіи съ идеей прогресса. Не оставляя своей точки зрѣнія, онъ могъ вполнѣ послѣдовательно защищаться противъ упрековъ въ проповѣди застоя. Если онъ и говорилъ о невозможности прервать нити историческаго развитія, о вліяніи сло-

жившихся взглядовъ и силѣ утвердившихся отношеній, объ отраженіи старыхъ традицій на постановкѣ новыхъ вопросовъ, то все это обозначало лишь признаніе власти прошлаго, но вовсе не исключало возможности прогрессивнаго движенія. Несомнѣнно, однако, что органическое ученіе, допуская идею прогресса, обрекало законодательство и юриспруденцію на чисто пассивную роль свидѣтелей непроизвольнаго развитія народнаго духа. Изъ основныхъ началъ этого ученія само собою вытекало требованіе правительственнаго невмѣшательства.

Въ брошюрѣ Савиньи это требованіе было преобладающимъ практическимъ мотивомъ. Не говоря уже о кодификаціи, онъ вообще считалъ здѣсь опаснымъ всякое произвольное измѣненіе существующихъ установленій. Въ сущности, единственной нормальной функціей законодательства онъ признавалъ (въ этомъ раннемъ своемъ произведеніи) лишь то содѣйствіе, которое можетъ быть оказано закономъ обычному праву, въ видѣ установленія большей опредѣленности его положеній (напримѣръ, относительно давностныхъ сроковъ), разрѣшенія контроверзъ и выясненія старыхъ обычаевъ.

Соотвѣтственно съ этимъ, Савиньи высказываетъ въ своей брошюрѣ полное невѣріе въ спасительную силу законовъ. Онъ считаетъ заблужденіемъ думать, что законодательнымъ путемъ можно достигнуть какихъ-либо улучшеній въ жизни. Стремленія къ высшему могутъ быть лишь поддержаны законами, но не вызваны ими. Тамъ, гдѣ эти стремленія отсутствуютъ, всякая законо-

дательная попытка, вмѣсто того, чтобы исправить, только усилитъ зло.

Всѣ эти воззрѣнія являются естественными послѣдствіями органической теоріи правообразованія. Если нормальное развитіе права состоитъ въ естественномъ ростѣ, совершающемся путемъ дѣйствія внутреннихъ силъ, то понятно, что законодатель долженъ выжидать теченіе народной жизни и санкціонировать нормы, возникающія изъ ея собственнаго хода. Такова была первоначальная точка зрѣнія Савиньи. Въ „Системѣ современнаго римскаго права“, вышедшей въ 1840 году, мы находимъ значительныя отступленія отъ этого первоначальнаго взгляда. Къ этому времени полемика по вопросу о кодификаціи затихла, прежнее отрицаніе исторіи уступило мѣсто новымъ воззрѣніямъ. Савиньи писалъ при иныхъ условіяхъ и приходилъ къ инымъ результатамъ. Если и здѣсь онъ приписываетъ законодательству лишь вспомогательное значеніе въ развитіи права, то важность его онъ подчеркиваетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде. Приведу сполна относящееся сюда мѣсто изъ его позднѣйшаго произведенія.

„Если, вслѣдствіе измѣненія нравовъ, воззрѣній и потребностей, является необходимость въ реформѣ существующаго права или возникаетъ потребность въ совершенно новыхъ институтахъ, то въ этомъ случаѣ вліяніе законодательства можетъ быть чрезвычайно полезнымъ и даже неизбѣжнымъ. Хотя новые элементы и могутъ быть внесены въ право той же внутренней невидимой силой, которая его первоначально породила, но такъ

какъ дѣйствіе указанныхъ выше причинъ обнаруживается лишь постепенно, то, вслѣдствіе этого, необходимо наступаетъ періодъ неопредѣленности въ правѣ, которая можетъ быть устранена путемъ закона. Такъ какъ, далѣе, всѣ юридическіе институты находятся между собою въ связи и взаимодѣйствіи, то введенное вновь положеніе права можетъ стать незамѣтно въ противорѣчіе съ другими, которыя остались неизмѣнными. Отсюда вытекаетъ необходимость примиренія ихъ, которое съ вѣрностью можетъ быть совершено едва ли не исключительно съ помощью рефлексіи и намѣреннаго, слѣдовательно личнаго вмѣшательства (fast nur durch Reflexion und absichtliches, also persönliches Eingreifen). Эти соображенія получаютъ особенно наглядное значеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда требующее измѣненій право было закрѣплено ранѣе закономъ... Пріобрѣтая силу писанной буквы, оно замедляется въ своемъ внутреннемъ развитіи".

Изъ этой чрезвычайно любопытной цитаты мы видимъ, что Савиньи подъ конецъ пришелъ къ противопоставленію невидимо дѣйствующей правообразующей силы народа и сознательной личной дѣятельности, съ тѣмъ чтобы въ иныхъ случаяхъ отдать предпочтеніе этой послѣдней. Онъ не боится даже теперь законодательнаго вмѣшательства (Eingreifen), противъ котораго высказывался первоначально, но прямо рекомендуетъ его въ извѣстныхъ случаяхъ. Наконецъ, разсуждая далѣе, онъ признаетъ, что въ исторіи каждаго народа наступаютъ эпохи, неблагопріятныя образованію права при помощи

общенароднаго сознанія. Эти эпохи совпадаютъ съ развитіемъ индивидуальнаго начала, обособленіемъ занятій и знаній и зависящимъ отъ этого установленіемъ сословій; правообразованіе, покоившееся ранѣе на общности сознанія, вслѣдствіе этого затрудняется. Въ этомъ случаѣ правообразовательная дѣятельность сама собою переходитъ къ законодательству.

Но если самъ Савиньи долженъ былъ сдѣлать значительныя отступленія отъ своей первоначальной точки зрѣнія, то школа его далеко не всегда слѣдовала за нимъ въ этомъ необходимомъ видоизмѣненіи его исходныхъ положеній. Идея органическаго развитія права и происхожденіе его изъ національнаго сознанія, мысль о преимуществахъ обычнаго права и другія утвержденія Савиньи, высказанныя имъ въ началѣ его литературной дѣятельности, сдѣлались надолго прочными убѣжденіями его школы, противъ которыхъ долго еще приходилось бороться сторонникамъ иныхъ воззрѣній.

Но какъ ни сильны были традиціи исторической школы въ нѣмецкой наукѣ права, недолго пришлось ждать пока въ самыхъ нѣдрахъ исторической школы совершился поворотъ къ новымъ началамъ. Этотъ поворотъ связывается съ именемъ Іеринга.

IV.

Пятидесятые годы были вообще поворотнымъ пунктомъ въ развитіи нѣмецкой юриспруденціи. Условія, вызвавшія къ жизни историческую школу, отжили свое время.

Вмѣстѣ съ ними должна была стать достояніемъ прошлаго и доктрина историческихъ юристовъ, выростая на почвѣ консервативно-романическихъ тенденцій начала вѣка. Въ отношеніи къ пониманію исторіи перемѣна взглядовъ выразилась въ томъ, что значеніе личнаго творчества и дѣятельности человѣческой, столь приниженныхъ органической теоріей, вновь получило признаніе въ наукѣ. Въ сущности, это было возвратомъ къ ученію естественнаго права, съ тѣми ограниченіями, однако, которыя вытекали изъ историческаго взгляда, вводившаго и сознательное творчество въ цѣпь закономѣрнаго развитія. Подобная постановка вопроса была уже давнымъ-давно намѣчена идеалистической философіей. Въ двадцатыхъ годахъ въ этомъ смыслѣ высказывался Гансъ, нападая на Савиньи. Подъ вліяніемъ Шеллинга, и Пухта развивалъ эту точку зрѣнія въ „Институціяхъ“ (1841 г.), отступая, такимъ образомъ, отъ органической теоріи. Болѣе широкому кругу юристовъ эти взгляды оставались, однако, чуждыми. Утвержденіе ихъ въ юриспруденціи начинается лишь со времени Іеринга, который своей аргументаціей, столько же основательной, сколько блестящей, нанесъ окончательный ударъ доктринѣ знаменитыхъ своихъ предшественниковъ.

Воспитавшись на традиціяхъ исторической школы, Іерингъ очень рано освободился отъ ихъ вліянія. Его дѣятельная и подвижная натура плохо мирилась съ формулами органическаго ученія, а занятія исторіей римскаго права утверждали его въ мнѣніяхъ, далеко не сходныхъ съ идеями Савиньи. Это было вмѣстѣ и ре-

зультатомъ теоретическихъ размышленій, и отраженіемъ энергическаго и живого темперамента писателя, когда Іерингъ, характеризуя доктрину историческихъ юристовъ говорилъ: „ложная, но безопасная, какъ теоретическое воззрѣніе, она является однимъ изъ самыхъ роковыхъ заблужденій, въ качествѣ политическаго правила. Въ этой области, гдѣ человѣкъ долженъ дѣйствовать,—дѣйствовать съ полнымъ сознаніемъ цѣли и съ приложеніемъ всѣхъ своихъ силъ, она убаюкиваетъ его надеждой, что все дѣлается само собою и, что всего лучше сложить руки и довѣрчиво ожидать постепенныхъ проявленій предполагаемаго первоисточника права, т. е. народнаго убѣжденія". Въ этихъ словахъ, прекрасно характеризующихъ отношеніе Іеринга къ органической теоріи, нельзя не видѣть и отраженія духа времени. Не по простой случайности они были написаны въ 1872 г., когда въ Германіи романтическія грезы и нерѣшительныя мечтанія смѣнились энергическими дѣйствіями въ пользу того, что нѣмцы считали своимъ правомъ. Осуществленіе идей, столь поэтически задуманныхъ старыми патріотами, сопровождалось прозаическими подробностями мелкихъ интригъ и тяжкихъ столкновеній.

Изъ того, что мы до сихъ поръ сказали, очевидно, что историческое воззрѣніе Іеринга было реакціей противъ идеи невмѣшательства, занимавшей центральное мѣсто среди первоначальныхъ положеній исторической школы. Его практическія правила, какъ и теоретическія утвержденія, явились антитезой въ органической теоріи правообразованія. Не отвергая идеи закономѣрнаго развитія, безъ которой

уже немыслимо было пониманіе исторіи, онъ далъ, однако, этой идеѣ совершенно иное выраженіе. Ученіе объ органическомъ самораскрытіи народнаго духа смѣнилось у него представленіемъ о тяжеломъ процессѣ, черезъ который проходитъ развитіе права и который сопровождается приложеніемъ личныхъ усилій, столкновеніемъ интересовъ и борьбою страстей.

Іерингъ отказывается признать гармоническую связь отдѣльныхъ эпохъ, на которой настаивалъ Савиньи, требовавшій отъ настоящаго „неразрывнаго общенія съ прошлымъ“. Право можетъ обновляться, только отказываясь отъ своего прошлаго. Это—Сатурнъ, пожирающій своихъ собственныхъ дѣтей. Путь, который проходитъ исторія, означается, поэтому, обломками старыхъ установленій, а нерѣдко и потоками крови. Савиньи подчеркиваетъ въ исторіи развитія непрерывность, зависимость послѣдующихъ эпохъ отъ предыдущихъ; Іерингъ—измѣнчивость и текучесть—смѣну стараго новымъ.

Въ связи съ этимъ стоитъ и различное отношеніе ихъ къ первоначальнымъ историческимъ основамъ. Подчеркивая зависимость настоящаго отъ прошлаго, Савиньи, естественно, уходилъ въ глубь временъ, въ которой уже предназначены были пути дальнѣйшаго развитія. Право представлялось ему нѣкоторымъ даромъ небесъ, котораго внутреннія сокровища обнаруживаются сами собою, какъ только въ этомъ является необходимость. Іерингъ думаетъ совершенно иначе. Право не даръ природы, а продуктъ исторіи, не таинственное истеченіе народнаго духа, а результатъ дѣятельности человѣческой. Люди

создаютъ его для своихъ временныхъ и измѣнчивыхъ нуждъ путемъ сложнаго и напряженнаго труда. Эти послѣднія утвержденія чрезвычайно характерны для теоріи Іеринга. Врагъ всякаго нативизма, онъ полагаетъ сущность историческаго воззрѣнія въ отрицаніи какихъ бы то ни было прирожденныхъ задатковъ. Такимъ образомъ, старыя категоріи Савиньи были опрокинуты: возрожденное и преобразованное воззрѣніе XVIII вѣка объявлялось истинно историческимъ, а „историческая“ школа оказывалась не оправдывающей своего имени. Историческая теорія Іеринга выработалась не сразу. По его собственному свидѣтельству, онъ вышелъ изъ университета со старыми представленіями объ органическомъ происхожденіи права и нѣсколько лѣтъ затѣмъ находился еще подъ ихъ вліяніемъ. Однако, уже въ первомъ изданіи „Духа римскаго права“, начальные томы котораго появились въ пятидесятыхъ годахъ, видны задатки новыхъ воззрѣній. Это ясно чувствуется, какъ въ методологическихъ замѣчаніяхъ, которыя авторъ предпосылаетъ своему изслѣдованію, такъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи, посвященномъ характеристикѣ древне-римскихъ учрежденій.

Сущность упрековъ, высказываемыхъ Іерингомъ по адресу современной ему юриспруденціи, сводится къ тому, что въ историческихъ изслѣдованіяхъ она сохраняетъ часто догматическіе пріемы. Она изучаетъ всюду лишь системы нормъ, не освѣщая ихъ высшими научными обобщеніями и не приводя въ связь съ жизнью. А между тѣмъ безъ общихъ отправныхъ пунктовъ и безъ знаком-

ства съ жизненной средой, среди которой вырастаетъ право, представленіе о немъ будетъ неполно. Чтобы вѣрно судить о какомъ-либо правѣ, нельзя останавливаться на отдѣльныхъ его опредѣленіяхъ, но слѣдуетъ восходить къ принципіальному его пониманію. Для правильнаго освѣщенія римскаго права мы нуждаемся въ общемъ ученіи о правѣ, по мѣрѣ усовершенствованія котораго возвысятся и наши конкретныя и историческія представленія. Подобныя требованія были вовсе не въ духѣ исторической школы, которая, не отрицая общихъ основъ правообразованія, довольствовалась, однако, обыкновенно простыми ссылками на національное убѣжденіе, какъ на высшее и послѣднее основаніе юридическихъ нормъ. У Іеринга вновь высказывается та мысль, которую до него отстаивала Гегеліанская школа: конкретныя явленія въ области права могутъ быть понимаемы только въ связи съ тѣмъ цѣлымъ, къ которому они принадлежатъ.

Другое, важное для насъ, требованіе Іеринга состоитъ въ томъ, чтобы юридическія нормы изучались въ связи съ жизнію. Историкъ долженъ вскрывать тѣ идеи и стремленія, которыя порождаютъ учрежденія права и сообщаютъ имъ опредѣленный характеръ. Не ограничиваясь изображеніемъ системы нормъ и положеній, представляющихъ лишь внѣшнія очертанія дѣйствительнаго юридическаго оборота, онъ долженъ обнаруживать жизненную подпочву права, причины его происхожденія и условія примѣненія. Зачѣмъ существуютъ извѣстныя положенія, какія препятствія или опоры находятъ они

въ жизни—на эти вопросы даетъ отвѣты только сама жизнь. Въ цѣляхъ и потребностяхъ даннаго времени заключаются основанія, почему создался тотъ или другой институтъ и почему онъ имѣетъ данную форму. Условія его примѣненія обнаруживаютъ степень его дѣйствительной примѣнимости, которая абстрактнымъ нормамъ права даетъ ихъ жизненное значеніе. Безъ этой связи съ фактическимъ міромъ мы не узнаемъ права дѣйствительнаго. Однако, изслѣдованіе болѣе глубокихъ основъ юридическаго оборота гораздо труднѣе, чѣмъ изученіе самихъ нормъ, видныхъ для всякаго. Силы, движущія право, скрываются внутри, дѣйствуютъ медленно и нигдѣ не выступаютъ такъ явственно, чтобы непремѣнно быть замѣченными. Но историкъ долженъ изучать и эти скрытыя стороны и части права, въ которыхъ онъ находитъ свое объясненіе и оправданіе.

Самъ Іерингъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ сочиненій разъяснилъ намъ, что означали эти новыя требованія: они были равносильны отреченію отъ теоріи непроизвольнаго истеченія права изъ народнаго духа. Приверженцамъ этой теоріи не могло и въ голову прійти изучать основанія юридическихъ институтовъ, которые полагались скрытыми въ непроницаемыхъ тайникахъ народной души. Если происхожденіе права—непостижимая тайна, то передъ нею останавливается всякое дальнѣйшее изслѣдованіе. Ученіе это, въ сущности, представляетъ отказъ отъ вопросовъ о причинахъ явленій. На всѣ такіе вопросы у него всегда готовъ отвѣтъ, въ видѣ ссылки на народное убѣжденіе, являющееся какъ

бы фатумомъ въ области права. Историкъ избавляется, такимъ образомъ, отъ всякихъ дальнѣйшихъ хлопотъ.

Эти слова, написанныя Іерингомъ въ концѣ его литературной дѣятельности, были дальнѣйшимъ формулированіемъ тѣхъ самыхъ началъ, которыя онъ высказалъ еще въ пятидесятыхъ годахъ. Въ первомъ изданіи „Духа римскаго права“ можно найти и слѣды старыхъ воззрѣній, такъ, напримѣръ, гдѣ Іерингъ говоритъ, что источникомъ силъ, движущихъ право, является „индивидуальность народа, представляющая какъ бы сердце правового организма“. Но это было скорѣе отраженіемъ прежней фразеологіи, чѣмъ сохраненіемъ соотвѣтствовавшей ей теоріи. Индивидуальность народная разлагалась на отдѣльныя конкретныя силы, на измѣнчивыя идеи и потребности и утрачивала характеръ неподвижной величины, всегда себѣ равной.

Еще яснѣе высказывается Іерингъ, говоря о развитіи римскихъ учрежденій. Разсматривая „космогонію римскаго права“, онъ приходитъ къ мысли, ниспровергающей органическую теорію,—что первоисточникомъ юридическихъ установленій служила творческая сила и дѣятельность человѣка. Объ этомъ сохранилось воспоминаніе и въ древне-римской сагѣ, имѣющей значеніе психологической истины. По смыслу этой саги, Римъ всѣмъ обязанъ себѣ, все создается и организуется имъ, во всѣмъ сказывается сознательное намѣреніе и расчетъ. Дѣйствительные историческіе процессы подтверждаютъ воззрѣнія саги. Самыя простыя и элементарныя истины, столь естественныя для насъ теперь, явились продуктомъ

долгаго и утомительнаго процесса. Первоначальныя римскія образованія сохранили „слѣды пота и крови“, которыхъ не могло уничтожить никакое время. То, что намъ кажется вытекающимъ изъ природы права, всего менѣе представляетъ собою изначальное достояніе человѣческаго рода. Своимъ практическимъ значеніемъ оно обязано не силѣ правового убѣжденія и не идеѣ справедливости: оно является продуктомъ человѣческой дѣятельности, приводимой въ движеніе матеріальными основаніями, жизненной необходимостью и давленіемъ обстоятельствъ, и руководимой мотивами цѣлесообразности. Это мѣсто, цѣликомъ находящееся и въ первомъ изданіи, содержитъ въ себѣ зачатки позднѣйшихъ воззрѣній Іеринга; мы находимъ здѣсь и отрицаніе нативизма, и признаніе силы внѣшнихъ обстоятельствъ, и зародышъ теологической теоріи. Іерингъ внесъ впослѣдствіи въ свои идеи нѣкоторыя дополненія, но по существу историческая теорія его осталась неизмѣнной съ начала пятидесятыхъ годовъ и до конца его литературной дѣятельности. Съ самыхъ раннихъ поръ онъ отмѣчалъ уже значеніе человѣческой дѣятельности и сознательнаго творчества, направленнаго къ осуществленію извѣстныхъ цѣлей. Рисуя живыя картины первоначальнаго правообразованія, когда господствовало право добычи и средствомъ охраны служила самопомощь, онъ наглядно показывалъ, какъ все это далеко было отъ представленій Савиньи и Пухты о безболѣзненномъ и мирномъ зарожденіи права.

Мѣткими и неподражаемыми чертами изображаетъ онъ

сущность органическаго воззрѣнія, которое, опасаясь произвольнаго вмѣшательства, проповѣдывало пассивное отношеніе къ исторіи. Въ глазахъ Іеринга это воззрѣніе было равносильно съ мечтою о золотомъ вѣкѣ, когда люди попадали на правильные пути, не отыскивая ихъ, когда юридическія понятія сами собою вырастали на древѣ познанія, чтобы въ готовомъ видѣ быть взятыми человѣкомъ, а то такъ и прямо свалиться ему въ руки. Образованіе права, согласно съ этой теоріей, совершается такъ же незамѣтно и безболѣзненно, какъ и образованіе языка: здѣсь не требуется никакихъ домогательствъ и борьбы, не требуется даже никакихъ исканій. Незамѣтно дѣйствующая сила истины медленно, но вѣрно, безъ всякихъ насилій пролагаетъ себѣ дорогу; предъ властью убѣжденія постепенно раскрываются сердца, оно проникаетъ въ дѣйствія людей—такъ новая форма вступаетъ въ жизнь столь же безмятежно, какъ какое-либо правило языка. Положеніе древне-римскаго права, что кредиторъ могъ продать несостоятельнаго должника въ чужую землю, какъ раба, что собственникъ могъ требовать свою вещь отъ каждаго, у кого только ее найдетъ, согласно съ этимъ воззрѣніемъ, образовались едва ли инымъ путемъ, чѣмъ правило, что „cum“ управляемъ творительнымъ падежемъ.

Съ своей стороны Іерингъ выдвигаетъ идею дѣятельнаго участія человѣка въ образованіи права и поэтическому представленію о золотомъ вѣкѣ противополагаетъ прозаическую правду исторіи. „Положительное утвержденіе, которое я противопоставляю этому воззрѣ-

нію", говоритъ онъ: „состоитъ въ томъ, что исторія права началась желѣзнымъ періодомъ, тяжелой борьбой и работой человѣческаго разума; намѣреніе, рефлексія, сознаніе и расчетъ дѣйствовали уже при возникновеніи права; юридическое искусство стояло у колыбели его. Подобно тому, какъ теперь понятія не спадаютъ намъ сами собою, но пріобрѣтаются путемъ усилій и напряженія, такъ, а не иначе, было и въ ту историческую эпоху, когда образовывались основныя юридическія понятія; и мнѣніе, будто бы народы въ ихъ дѣтствѣ не нуждались въ отыскиваніи и выработкѣ понятій собственности, обязательства и т. п., но нашли ихъ уже готовыми, не лучше предположенія, что они получили изъ рукъ природы свои дома, плуги и т. д. Какъ ради этихъ послѣднихъ они должны были думать, работать и дѣлать попытки въ теченіе столѣтій, то же и еще въ большой степени, было и съ первыми. Прошелъ долгій періодъ пробъ и исканій, колебаній и неопредѣленности, прежде чѣмъ юридическія понятія приняли тѣ сжатыя и твердыя формы, какими они обладаютъ при первомъ появленіи ихъ въ исторіи".

Обсуждая далѣе условія развитія права, Іерингъ пришелъ къ убѣжденію, что развитіе это сопровождается не однимъ напряженіемъ мысли, отыскивающей новыя опредѣленія, но и неизбѣжными конфликтами, вытекающими изъ противорѣчія стараго съ новымъ. Прогрессирующему праву приходится не только вѣчно искать и пробовать, чтобы найти правильный путь, но, нашедши его, еще и опрокидывать препятствія, преграждающія движе-

ніе. Такими препятствіями являются человѣческіе интересы, срастающіеся съ извѣстными учрежденіями. Въ подобныхъ случаяхъ новому праву приходится выдерживать борьбу, затягивающуюся иногда на цѣлыя столѣтія. Высшаго напряженія эта борьба достигаетъ тамъ, гдѣ интересы приняли форму пріобрѣтенныхъ правъ. Тогда становятся другъ противъ друга двѣ партіи и обѣ ратуютъ за святость правъ, одна — историческаго права, другая—права вѣчно образующагося. Идея права приходитъ въ конфликтъ сама съ собою. Всѣ великія пріобрѣтенія исторіи, какъ отмѣна рабства и крѣпостничества, свобода земельной собственности, ремесла, вѣры и т. д.,—все это было завоевано путемъ сильнѣйшей, нерѣдко столѣтія длившейся борьбы, сопровождавшейся разрушеніемъ стараго. Чтобы обновиться, право должно отказаться отъ прошлаго. Конкретное право, которое, возникнувъ однажды, требуетъ для себя вѣчнаго существованія, подобно ребенку, поднимающему руку на собственную мать. Призывая идею права, оно издѣвается надъ ней, ибо идея права есть вѣчное образованіе, замѣна образовавшагося вновь образующимся.

Я отмѣтилъ уже сходство этихъ взглядовъ съ идеями діалектической философіи. Мысль о развитіи чрезъ противорѣчія и борьбу является основною для исторической теоріи Іеринга. Съ отличающею его трезвостью взгляда, онъ показываетъ, что историческое движеніе далеко не знаетъ того „неразрывнаго общенія“ настоящаго съ прошлымъ, о которомъ говоритъ Савиньи. Глава исторической школы совершенно не выяснилъ, что значитъ

признавать данное и уважать существующее. Принимать во вниманіе данныя обстоятельства, унаслѣдованныя отъ прошлаго, необходимо всегда, но часто только для того, чтобы оцѣнить силу сопротивленія, которое они могутъ оказать предполагаемымъ реформамъ. Безусловное же уваженіе къ существующему, какъ справедливо замѣтилъ Іерингъ, можетъ иногда быть прегрѣшеніемъ противъ идеи права, требующей вѣчнаго обновленія прогреса. Всѣ эти соображенія не противорѣчатъ понятію закономѣрности, несомнѣнно присущей развитію права; но они устраняютъ ложное сопоставленіе права съ языкомъ и ошибочную теорію непроизвольнаго развитія, столь опасную по своимъ практическимъ послѣдствіямъ, по требованіямъ бездѣйствія и невмѣшательства.

Вмѣстѣ съ органическимъ воззрѣніемъ, Іерингъ отвергнулъ и національностическую теорію. Критикѣ ея посвященъ начальный параграфъ второго изданія „Духа римскаго права“. Я указывалъ выше на отступленія отъ узко національностическихъ идей у Савиньи. Іерингу и здѣсь принадлежитъ заслуга большей послѣдовательности. То, что у предшественниковъ его являлось, въ сущности, уклоненіемъ отъ принятыхъ началъ, въ его теоріи находитъ себѣ надлежащее мѣсто и объясненіе. Исходнымъ пунктомъ для его разсужденій въ этомъ отношеніи является фактъ рецепціи, который съ самаго начала составлялъ камень преткновенія для теоріи національнаго происхожденія права. Обдумывая этотъ фактъ, Іерингъ пришелъ къ выводу, что заимствованія составляютъ такое же необходимое явленіе, какъ и развитіе

собственныхъ началъ. Въ своей жизни народы не остаются изолированными другъ другу, но находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи, враждебномъ и мирномъ, охватывающемъ всѣ стороны человѣческаго существованія. Для духовнаго міра имѣетъ силу тотъ же законъ, что и для физическаго: жизнь есть заимствованіе извнѣ и внутреннее усвоеніе. Рецепція и ассимиляція суть двѣ коренныя функціи, на существованіи и равновѣсіи которыхъ покоятся устойчивость и здоровье каждаго живого организма. Препятствовать заимствованію и осуждать организмъ на развитіе „извнутри“, значитъ убивать его: подобное развитіе начинается только у трупа. Соотвѣтственно съ этимъ, и обособленіе народовъ есть смертный грѣхъ, ибо высшій законъ исторіи представляетъ общеніе. Процвѣтаніе народа, какъ и отдѣльнаго лица, основывается на безпрестанномъ заимствованіи извнѣ. Языкъ, искусство, нравы, вся культура народа, короче его индивидуальность, или національность, представляютъ продуктъ безчисленныхъ воздѣйствій и заимствованій изъ внѣшняго міра. Почему же право должно быть изъято изъ этого общаго культурнаго закона? Въ этой области вопросъ о заимствованіяхъ долженъ рѣшаться, какъ и во всѣхъ другихъ: не въ силу національныхъ соображеній, а на основаніи цѣлесообразности и потребности. Никто не будетъ заимствовать издали того, что хорошо у него самого; но нелѣпо отказываться отъ хины на томъ основаніи, что она выросла не у насъ.

Такимъ образомъ, всѣ позиціи старой исторической школы были покинуты Іерингомъ. Постепенно онъ при-

шелъ къ полному отрицанію существенныхъ частей ея программы. Отъ идей, провозглашенныхъ нѣкогда основателемъ школы, осталась незыблемой одна идея закономѣрнаго развитія, которая по своему общему характеру могла служить базисомъ для самыхъ различныхъ историческихъ теорій. Вмѣстѣ съ разрушеніемъ старой программы у Іеринга слагалось и собственное воззрѣніе, съ отдѣльными чертами котораго мы могли уже ознакомиться изъ предшествующаго изложенія. Центральными пунктами этого воззрѣнія являлись, во-первыхъ, утвержденіе, что развитіе права совершается черезъ противорѣчія и борьбу, во-вторыхъ, мысль о томъ, что юридическія нормы создаются сознательной дѣятельностью человѣка. Оба эти положенія скрывали за собою одно и то же общее стремленіе, которое заставляетъ насъ характеризовать историческую теорію Іеринга, какъ прогрессивную,—стремленіе подчеркивать въ идеѣ развитія признакъ измѣнчивости, моментъ созиданія новыхъ формъ, для реализаціи которыхъ требуется сознательное творчество и борьба. Но сознательная работа мысли и борьба за добытые ею результаты являются лишь средствами или орудіями историческаго движенія. Для того, чтобы прійти въ дѣйствіе, онѣ нуждаются въ соотвѣтствующихъ стимулахъ. Такими стимулами служатъ интересы и цѣли людей.

Болѣе подробное развитіе этой мысли мы находимъ въ послѣднемъ крупномъ сочиненіи Іеринга подъ заглавіемъ „Цѣль въ правѣ“. Положеніе, на которомъ онъ здѣсь особенно настаиваетъ, состоитъ въ томъ, что весь нрав-

ственный порядокъ есть продуктъ исторіи, или точнѣе, продуктъ понятія цѣли, — результатъ неустанной дѣятельности человѣческаго разума, который, удовлетворяя данныя потребности, этимъ самымъ подготовлялъ почву для новыхъ потребностей и цѣлей. Право создается не природой и не случаемъ, а разумной цѣлью. Съ этой точки зрѣнія онъ и разсматриваетъ въ своемъ сочиненіи всѣ соціальныя учрежденія: онъ показываетъ, какъ цѣль личнаго самосохраненія включаетъ въ себѣ потребность имущества, какъ для охраны личности и имущества требуется установленіе права и государства, какъ во всѣхъ этихъ областяхъ подъ вліяніемъ практическихъ цѣлей постепенно вырабатываются и совершенствуются учрежденія общественной жизни. Дальнѣйшее развитіе взглядовъ Іеринга на происхожденіе нравственныхъ и юридическихъ понятій мы находимъ въ теоріи общественнаго утилитаризма, являющейся естественнымъ завершеніемъ его системы. По взгляду Іеринга, цѣли, ведущія къ созданію нравственнаго міра, имѣютъ общественный характеръ. Общество является той средой, въ которой человѣкъ воспитывается къ нравственности. Эгоистъ по природѣ, онъ превращается въ нравственное существо только подъ вліяніемъ условій общественной жизни. Общество служитъ источникомъ всего нравственнаго: оно порождаетъ не только нравственныя нормы, но также нравственное чувство и нравственное настроеніе. Благопріятствующимъ условіемъ для нравственнаго воспитанія человѣка является связь его личныхъ цѣлей съ чужими интересами. Совпаденіе цѣлей и интересовъ отдѣльныхъ

лицъ даетъ возможность обществу найти доступъ къ природному эгоизму человѣка и обуздать его въ своихъ видахъ. Такъ возникаетъ сложная система юридическихъ и нравственныхъ нормъ, налагаемыхъ на личность средой. Все это общественные императивы, охраняющіе жизненныя условія существованія общества. Съ этой точки зрѣнія общественно-полезное и нравственное — одно и то же. Моментъ общественной пользы является здѣсь рѣшающимъ.

Не трудно видѣть, что вся эта историко-общественная теорія, какъ ее называетъ Іерингъ, оставляетъ мѣсто для серьезныхъ сомнѣній. Начать съ того, что полное отрицаніе нравственныхъ задатковъ въ человѣкѣ едва ли способно подвинуть насъ въ пониманіи сложной и трудной проблемы возникновенія морали и права. Мысль, что нравственность выросла изъ ничего, на сухой почвѣ эгоистическихъ стремленій, является такой же крайностью, какъ и утвержденіе, будто бы человѣкъ получилъ отъ природы готовыя нравственныя понятія. Съ другой стороны, точка зрѣнія общественной пользы, внося видимую простоту въ нравственные вопросы, упускала, однако, изъ виду возможность конфликтовъ общаго блага и требованій личности, — конфликтовъ, въ которыхъ нравственное чувство наше далеко не всегда становится на сторону общества. Наконецъ, хотя утилитаризмъ Іеринга и не узко матеріальный, — такъ какъ онъ въ числѣ интересовъ, охраняемыхъ правомъ, упоминаетъ и идеальные,—однако онъ слишкомъ настаиваетъ на эгоистической и практической подпочвѣ всѣхъ нрав-

ственныхъ опредѣленій. Право, нравственность, справедливость — все это характеризуется имъ, по преимуществу, съ практической стороны. Понятіе нравственнаго сводится здѣсь къ понятію цѣлесообразнаго. Вслѣдствіе этого, теорія Іеринга вызываетъ противъ себя всѣ тѣ упреки, какіе обыкновенно дѣлаются противъ утилитаризма. Не скрываются ли за временными и измѣнчивыми соображеніями цѣлесообразности болѣе глубокія основанія нравственныхъ началъ? Не опредѣляется ли самая польза, польза истинная и прочная, естественнымъ соотношеніемъ вещей и природными свойствами человѣческаго духа? Эти вопросы не возникаютъ для Іеринга, а между тѣмъ попытка отвѣтить на нихъ могла бы привести его къ болѣе широкой точкѣ зрѣнія.

Но каковы бы ни были недостатки теоріи Іеринга, она во всякомъ случаѣ навсегда покончила со старыми односторонностями исторической школы и открыла для юриспруденціи и философіи права новые пути развитія.

V.

Мы видѣли, какъ въ самихъ предѣлахъ исторической школы, въ ея позднѣйшемъ выраженіи у Іеринга, проявляются новыя начала, сближающія его съ основами естественнаго права. Въ сущности эта перемѣна воззрѣній есть не простое видоизмѣненіе понятій исторической школы: послѣдовательно проведенная такая перемѣна знаменуетъ собою отступленіе отъ принциповъ историзма. Для того, чтобы въ этомъ убѣдиться, мы должны теперь произ-

вести точное размежеваніе нашей философской доктрины отъ позитивно-историческаго взгляда. Необходимо показать, что для рѣшенія вопросовъ, которые ставила прежде и ставитъ теперь естественно-правовая школа, одной исторической методы недостаточно, что тутъ мы вступаемъ въ особую область, самостоятельную по своимъ пріемамъ и задачамъ и совершенно не совпадающую съ областью историческаго изученія. Для этого прежде всего слѣдуетъ ясно поставить естественно-правовую проблему и затѣмъ показать отношенія къ ней историческаго созерцанія.

Мы видѣли, что основной вопросъ естественнаго права есть вопросъ о правѣ будущаго. Но всякій разъ, когда этотъ вопросъ ставился въ своей настоящей строгости и чистотѣ, будущее приводилось въ связь съ извѣстнымъ нравственнымъ идеаломъ. Потребность, которою вызывалось его построеніе, состояла въ томъ, что настоящее представлялось въ томъ или другомъ отношеніи несовершеннымъ. Поэтому отъ будущаго права ожидали не простого результата данныхъ условій, а результата идеальнаго и желательнаго. Мысль обращалась не къ тому, что будетъ въ силу естественныхъ причинъ, а къ тому, что должно быть, въ соотвѣтствіи съ нравственнымъ закономъ. По основному смыслу проблемы, построеніе будущаго было вмѣстѣ съ тѣмъ и оцѣнкой настоящаго, а эта оцѣнка производилась не съ точки зрѣнія причинной исторической послѣдовательности, а съ точки зрѣнія нравственнаго долженствованія. То или другое явленіе могло быть исторически неизбѣжнымъ, а естествен-

ное право, въ силу своего моральнаго идеала, объявляло его нравственно негоднымъ. Такимъ образомъ ясно и отчетливо поставленный вопросъ естественнаго права имѣетъ совершенно особый и самостоятельный смыслъ, рѣзко отличающій его отъ чисто историческаго вопроса о развитіи права. Задача состоитъ въ данномъ случаѣ вовсе не въ томъ, чтобы дать теорію правообразованія, объясняющую естественное развитіе правовыхъ институтовъ, а чтобы установить моральныя требованія, предписывающія идеальные пути развитія. Цѣль заключается не въ объясненіи, а въ оцѣнкѣ явленій, совершаемой независимо отъ того, какъ эти явленія развивались въ прошломъ и какъ они имѣютъ развиваться въ будущемъ.

Соотвѣтственно съ вопросомъ, и метода естественнаго права имѣетъ особый и самостоятельный характеръ. Предназначенная къ тому, чтобы дать критерій для оцѣнки исторіи, она не можетъ почерпать своихъ исходныхъ началъ изъ самой же исторіи. На вопросъ о томъ, что должно быть, знаніе того, что было и что есть, не можетъ дать отвѣта. Здѣсь необходимо обратиться къ апріорнымъ указаніямъ нравственнаго сознанія, которое въ своемъ независимомъ отъ всякаго опыта существѣ содержитъ данныя для оцѣнки любого опытнаго матеріала.

Таково значеніе естественно-правовой проблемы. Для историческаго созерцанія, сохраняющаго вѣрность своимъ принципамъ, возможно троякое отношеніе къ этой проблемѣ. Оно можетъ или миновать ее, какъ лежащую

внѣ границъ ея компетенціи, или совершенно ее отвергнуть, какъ незаконную, или, наконецъ, замѣнить ее нѣкоторой другой проблемой, сходной съ нею по виду, но различной по существу.

Первый выходъ есть, съ нашей точки зрѣнія, единственно правильный. Нравственная проблема неразрѣшима въ терминахъ историзма и недоступна позитивной методѣ. Оставаясь въ своихъ собственныхъ предѣлахъ, историзмъ не можетъ сказать ничего ни за, ни противъ этой проблемы, для утвержденія или отрицанія которой требуется особое философское и въ частности гносеологическое доказательство: данныя исторіи имѣютъ здѣсь весьма относительное значеніе. Единственный доводъ, который историческое направленіе приводитъ противъ самостоятельности нравственной проблемы, есть эмпирическое наблюденіе надъ исторической измѣнчивостью нравственныхъ понятій. Отсюда заключаютъ, что вся нравственность есть продуктъ исторіи, всецѣло зависящій отъ временныхъ и мѣстныхъ условій. На этомъ основаніи считаютъ возможнымъ разложить нравственный идеалъ, весь и безъ остатка, на совокупность обусловливающихъ его эмпирическихъ элементовъ, и самое понятіе должнаго свести къ извѣстному виду естественной необходимости. Но здѣсь происходитъ та же самая ошибка, какъ въ томъ случаѣ, когда пытаются объяснить человѣческое сознаніе матеріальными условіями и выдать его за извѣстное свойство матеріи. Незамѣтный для поверхностной мысли логическій скачокъ принимается за естественный пере-

ходъ понятій, между которыми на самомъ дѣлѣ непроходимая бездна.

Второй выходъ историзма, состоящій въ отрицаніи естественнаго права, есть уже превышеніе компетенціи. Въ наиболѣе послѣдовательной формѣ это отрицаніе совершается тамъ, гдѣ отвергается не только метода, но и самая проблема естественнаго права, какъ проблема нравственной оцѣнки, переходящей отъ существующаго къ долженствующему. Такое полное отрицаніе естественно-правовой проблемы мы и находимъ въ воззрѣніяхъ старой исторической школы юристовъ. Савиньи думалъ, что выдвинутая имъ точка зрѣнія исторической необходимости и закономѣрности исключаетъ самую возможность оцѣнки и критики права: если все право создается дѣйствіемъ неотвратимыхъ историческихъ силъ, то казалось, что всякая попытка критиковать историческій процессъ не болѣе основательна, чѣмъ попытка критиковать стихійные процессы природы. Критикуемъ ли мы бурю или непогоду? Говоря словами Спинозы, явленіе природы можно находить неудобными или непріятными, но для критики ихъ нѣтъ мѣста. Такова была точка зрѣнія первоначальной исторической школы, которая хотѣла покончить со всякой сознательной оцѣнкой и критикой права. Она предлагала философамъ, желавшимъ предначертать будущее, роль простыхъ наблюдателей историческаго процесса. Если все въ исторіи осуществляется само собой и въ надлежащее время, для человѣка остается только созерцать результаты историческаго развитія и заносить въ свои лѣто-

писи то, что совершается съ неизбѣжной и роковой силой, помимо его воли и, можетъ быть, вопреки его желанію.

Таково было воззрѣніе Савиньи. Но самымъ лучшимъ опроверженіемъ его взгляда и подтвержденіемъ неустранимости нравственной оцѣнки является то обстоятельство, что онъ изъ своей исторической точки зрѣнія сдѣлалъ категорію оцѣнки и основу для заключеній о должномъ. Закономѣрное и естественное развитіе права онъ объявилъ единственно-разумнымъ, а всякую попытку отъ него отойти—уклоненіемъ законодателя отъ своего призванія. Незамѣтно для себя самого, онъ вводилъ опять то самое понятіе, которое отвергалъ. Онъ вводилъ его подъ прикрытіемъ „историческаго взгляда и слѣдовательно съ ущербомъ для его истиннаго значенія, но тѣмъ не менѣе отвергнутая категорія появлялась снова, свидѣтельствуя о своей неустранимости.

Обсуждая теперь воззрѣніе Савиньи, мы легко можемъ видѣть, въ чемъ заключалась его ошибка. Сравнивая образованіе правовыхъ нормъ и положеній и вообще всякіе историческіе процессы съ процессами природы, онъ забывалъ, что право образуется, если и закономѣрно, то черезъ людей и при посредствѣ ихъ воли. Какъ дѣятель историческаго процесса, человѣкъ невольно спрашиваетъ о томъ пути, по которому ему слѣдуетъ итти, и если самое рѣшеніе его стоитъ въ связи съ извѣстными историческими условіями, то оно постановляется сознательно, съ критикой другихъ взглядовъ, съ выборомъ собственной точки зрѣнія. Говорятъ, что че-

ловѣкъ долженъ слѣдовать за исторіей, за ея указаніями, но что значитъ—слѣдовать за исторіей? Если бы въ каждый данный моментъ, въ каждую эпоху исторія давала намъ законченные и готовые результаты своего развитія, это было бы еще возможно; тогда бы намъ стоило только прочесть эти результаты, какъ послѣднюю страницу законченной книги, и на основаніи ихъ дѣйствовать. Но этого-то какъ разъ и не бываетъ. Исторія—не спокойно развертывающійся свитокъ событій, не книга, которую можно читать отъ одного вывода къ другому. Это прежде всего борьба; какъ выражался въ свое время Гегель, это—суровая и тяжелая работа духа надъ собою, это—діалектическій процессъ, идущій отъ противорѣчія къ противорѣчію. Въ каждую эпоху она представляетъ намъ смѣсь стараго и новаго, отживающаго и нарождающагося, дурного и хорошаго. Поставленный среди этихъ противорѣчій, среди этой жизненной борьбы, человѣкъ невольно призывается къ тому, чтобы отдавать отчетъ въ совершающемся передъ нимъ процессѣ, оцѣнивать разнообразныя историческія теченія и становиться на ту или другую сторону; говоря иначе, онъ невольно призывается къ сознательной оцѣнкѣ существующаго и къ идеальнымъ построеніямъ. Онъ не можетъ отстранить отъ себя эту мысль, что будущее зависитъ и отъ его содѣйствія, и чѣмъ менѣе обезпеченнымъ кажется ему желанный результатъ, тѣмъ съ большей страстью готовъ онъ вложить въ его осуществленіе свою мысль и свою волю. Это естественное стремленіе человѣка, быть можетъ, нигдѣ не проявляется

такъ ясно, какъ въ той области, которая интересовала Савиньи, т. е. въ области права. Законодательство, призванное регулировать жизнь, само зависитъ отъ ея потребностей, но эти потребности отражаются въ немъ, проходя чрезъ призму законодательнаго творчества. Тутъ съ особенной ясностью проявляется огромная роль сознательной мысли и вдумчивой прозорливости. Вотъ почему такъ понятно стремленіе практиковъ и теоретиковъ притти на помощь законодательному творчеству и внести свою долю участія въ благодарную работу созиданія новыхъ формъ. Вотъ почему такъ ломаются копья, такъ разгораются страсти, когда заходитъ рѣчь объ этихъ новыхъ формахъ. Пусть историки говорятъ, что онѣ явятся неизбѣжнымъ результатомъ неотвратимыхъ причинъ: наша мысль никогда не оставитъ этого убѣжденія, что въ числѣ этихъ причинъ имѣетъ значеніе и наша воля.

Это убѣжденіе настолько естественно, властно и непобѣдимо, что и въ предѣлахъ исторической школы оно должно было найти свое признаніе. Я перехожу такимъ образомъ къ тому третьему выходу, который состоитъ въ попыткѣ историзма по своему разрѣшить возникающую здѣсь проблему. Я уже замѣтилъ выше, что въ этомъ случаѣ въ дѣйствительности происходитъ нѣкоторая подмѣна: на мѣсто одной проблемы ставится другая, по существу отъ нея различная. Естественно-правовая проблема, какъ было разъяснено выше, есть проблема моральная. Здѣсь спрашивается не о томъ, что будетъ въ силу исторической необходимости, а о

томъ, что должно быть въ соотвѣтствіи съ нравственной нормой. Вотъ почему эта проблема остается неразрѣшимой для историзма, который имѣетъ дѣло только съ естественнымъ соотношеніемъ причинъ и слѣдствій. Если, однако, онъ ставитъ вопросъ о будущихъ формахъ права, то, оставаясь послѣдовательнымъ, онъ долженъ устранить изъ своихъ сужденій всѣ признаки моральной квалификаціи. Такъ обыкновенно и случается, и это, по крайней мѣрѣ, послѣдовательно. Гораздо менѣе послѣдовательно поступаютъ тѣ историки, которые думаютъ, что они могутъ на своей собственной почвѣ разрѣшить ту же моральную проблему и слѣдовательно ставить вопросъ не только о будущемъ, но и о долженствующемъ быть правѣ. Юридическая литература недавняго прошлаго представляетъ намъ примѣры того и другого рода. Нейкампъ ставитъ вопросъ о будущемъ правѣ, стараясь снять съ него всякіе слѣды моральной проблемы; Меркель дѣлаетъ опытъ разрѣшенія моральной проблемы въ терминахъ историзма. Я сначала остановлюсь на второмъ воззрѣніи, которое является менѣе послѣдовательнымъ, чтобы затѣмъ перейти къ первому, которое должно быть признано совершенно недостаточнымъ.

Меркель настолько мало чуждается терминовъ моральной философіи, что мы находимъ даже у него обычное понятіе „высшихъ критеріевъ для оцѣнки права“ (die obersten Werthmasse für die Beurtheilung des Rechts). Но онъ думаетъ, что эти критеріи, какъ находящіеся въ предѣлахъ возможнаго развитія данныхъ условій,

должны выводиться изъ разсмотрѣнія дѣйствительности: отсюда мы заключаемъ, какое именно изъ возможныхъ направленій развитія слѣдуетъ поддерживать. Представленіе о долженствующемъ есть послѣдствіе нашего сужденія о существующемъ.

Кажется, нѣтъ необходимости разбирать подробно это странное сочетаніе понятій, незаконность котораго бросается въ глаза съ перваго взгляда. Наука о существующемъ не можетъ дать никакихъ критеріевъ для оцѣнки. Она нарушила бы свой объективный характеръ, если бы она бралась судить и оцѣнивать. Если въ своихъ выводахъ она и пользуется понятіями нормальнаго развитія и нормальнаго типа—Меркель эти именно понятія считаетъ опорой для выводовъ о долженствующемъ,—то она нисколько не связываетъ съ этимъ словоупотребленіемъ моральныхъ заключеній: здѣсь имѣются въ виду лишь обобщенія изъ сдѣланныхъ наблюденій, безъ всякихъ признаковъ ихъ оцѣнки. Поэтому понятіе нормальнаго развитія можетъ примѣняться наукою и къ явленіямъ нравственно-безразличнымъ или даже несогласнымъ съ нравственностью. И только тогда это понятіе переходитъ въ разрядъ моральныхъ сужденій, когда оно находитъ для себя опору въ нашемъ нравственномъ сознаніи. Отсюда, и только отсюда, мы можемъ заключить, какое изъ возможныхъ направленій развитія слѣдуетъ поддерживать. Наука о существующемъ ничего не говоритъ на этотъ счетъ: она безстрастно изслѣдуетъ добро и зло, какъ явленія одинаково естественныя, одинаково обусловленныя извѣстными причинами.

Грѣша противъ строгихъ началъ объективной науки, Меркель наноситъ ущербъ и характеру нравственности. Не съ ореоломъ безусловнаго долженствованія, а съ простымъ признакомъ относительной нормальности являются у него сужденія морали. Они не противопоставляются существующему, какъ властные и безусловные императивы, а вставляются въ число другихъ элементовъ опытной дѣйствительности, столь же относительныхъ и условныхъ, какъ и всѣ прочіе. А это значитъ снять съ морали то ея свойство, которое составляетъ ея сущность. Для позитивно-исторической точки зрѣнія, отрицающей всякіе другіе способы познанія, ничего другого и не остается: она можетъ признать моральную проблему, только уничтоживъ ея существо.

Гораздо послѣдовательнѣе воззрѣніе Нейкампа. Онъ старательно избѣгаетъ всякой близости къ естественному праву, и если тѣмъ не менѣе ставитъ вопросъ о будущемъ, то дѣлаетъ это въ терминахъ строгой науки. Онъ не знаетъ принциповъ оцѣнки, а только законы развитія. Изъ законовъ развитія права въ прошломъ слѣдуетъ выводить указанія для будущаго. Нейкампъ ясно видитъ, что исторія права, какъ она обычно понимается и разрабатывается, никакихъ точныхъ указаній этого рода не даетъ. Поэтому онъ считаетъ необходимымъ созданіе особой „исторіи развитія права“ (Entwicklungsgeschichte des Rechts), которая откроетъ законы правового развитія и послужитъ опорой для заключеній о будущемъ. Объ этомъ тѣмъ легче говорить, чѣмъ далѣе отъ насъ проектируемая наука,

остающаяся пока мечтою. Но если обсуждать самый проектъ, то онъ окажется не болѣе, какъ неудачной мечтою создать нѣчто среднее между исторіей и соціологіей. Представлять исторію въ видѣ „науки естественныхъ законовъ“ можно только при полномъ незнакомствѣ съ современной теоріей историческаго познанія. Послѣ того какъ Виндельбандъ и Риккертъ блистательно разрѣшили задачу размежеванія исторіи и естествознанія, говорить объ этомъ значитъ повторять явно обнаруженное недоразумѣніе. Столь же мало возможно говорить теперь о способности исторіи, въ какомъ бы усовершенствованномъ видѣ она не предлагалась, предсказывать будущее. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи проектъ Нейкампа подвергается сомнѣнію и со стороны историковъ-позитивистовъ: сошлюсь на примѣръ М. М. Ковалевскаго.

Но, оставляя въ сторонѣ несбыточность мечты, можемъ ли мы сказать, что въ случаѣ своего осуществленія она замѣнила бы намъ естественно-правовую проблему объ идеальномъ правѣ. Не совершается ли здѣсь подстановка понятій, которая идетъ въ разрѣзъ съ сущностью вопроса? Именно благодаря осторожности Нейкампа, старающагося не выходить изъ рамокъ историзма, мы ясно видимъ, что эта подстановка дѣйствительно совершена.

Говоря о будущемъ правѣ, онъ имѣетъ въ виду то, что будетъ по естественнымъ законамъ. Онъ упускаетъ при этомъ изъ виду, что это будущее не всегда есть лучшее: то, что вытекаетъ изъ данныхъ условій, можетъ

оказаться иногда печальнымъ торжествомъ силы и несправедливости. Но когда сознаніе наше обращается къ будущему, оно ожидаетъ не какихъ бы то ни было формъ, а идеальныхъ и лучшихъ. Оно можетъ иногда съ ясностью видѣть, что для этихъ ожиданій нѣтъ опоръ въ дѣйствительности; тогда оно отрекается отъ этого будущаго, какъ и отъ настоящаго, и ждетъ, что чаянія его, выражаясь словами Платона, осуществятся если не здѣсь, такъ въ какой-нибудь другой странѣ. Ясно, что вопросъ о нравственномъ идеалѣ не имѣетъ ничего общаго съ вопросомъ о закономѣрномъ историческомъ результатѣ. То, что предлагаетъ Нейкампъ, совершенно недостаточно.

Между прочимъ, это видно изъ его собственныхъ разсужденій. Онъ самъ признаетъ, что даже и та усовершенствованная исторія права, о которой онъ мечтаетъ, способна дать намъ не безусловную увѣренность, а только обоснованное ожиданіе (S. 75). Если это ожиданіе не оправдывается, мы ощущаемъ нарушеніе нашего правового чувства (S. 60). Но что же означаетъ эта послѣдняя возможность: что ожиданіе наше было не основательно, или что развитіе права приняло ходъ, не указанный ему естественными законами. Казалось бы, что въ исторіи все совершается по естественнымъ законамъ. Какимъ же образомъ возможно противопоставлять ей какія-то обоснованныя ожиданія? Незамѣтно для себя Нейкампъ, до этого пункта вѣрный историзму, отдаетъ здѣсь слабую дань моральной точкѣ зрѣнія. Подъ именемъ „обоснованнаго ожиданія, которое можетъ и не

сбыться, вопреки нашему чувству права", онъ вводитъ какую то тѣнь моральнаго идеала, но не болѣе, чѣмъ тѣнь, ибо онъ еще рѣшительнѣе Меркеля уничтожаетъ въ ней жизненную силу нравственнаго стремленія.

Въ опредѣленіяхъ Нейкампа раскрывается еще одна слабая сторона историзма, берущаго на себя непосильныя ему задачи. Стремясь опредѣлить судьбу дальнѣйшаго развитія права, исторія можетъ опираться исключительно на примѣры прошлаго и на данныя условія. Отсюда нельзя вывести ничего, кромѣ самыхъ гипотетическихъ предположеній, или, какъ выражается Нейкампъ, „обоснованныхъ ожиданій". Утверждать на этихъ предположеніяхъ свой нравственный идеалъ значило бы лишать его настоящей широты и твердости. Часто случается, что именно тонкіе историки оказываются неспособными перешагнуть въ мысли ту грань, которая отдѣляетъ настоящее отъ будущаго. Привязанная къ настоящему и прошлому, мысль о будущемъ теряетъ крылья и смѣлость полета. А между тѣмъ особенность прогрессивнаго развитія состоитъ именно въ томъ, что будущее осуществляетъ не ту возможность, которая представлялась практически выполнимой и вытекающей изъ данныхъ условій, а ту, которая кажется новой и неслыханной, которая отпугивала умудренныхъ опытомъ и знающихъ практическія условія людей, когда она начинала предноситься въ неясныхъ грезахъ и смѣлыхъ замыслахъ утопистамъ и мечтателямъ. Творчество жизни шире ограниченнаго человѣческаго опыта, и потому по-

стоянно случается, что утопическая теорія бываетъ болѣе дальновидной, чѣмъ трезвая практика.

Когда моральная философія ставитъ ту же самую проблему о будущемъ правѣ, она не отправляется отъ примѣровъ прошлаго и не берется предсказывать. Ея источникъ — требованія моральнаго сознанія. Размышляя о будущемъ съ этой точки зрѣнія, мы не говоримъ, что мы его знаемъ: мы его требуемъ; мы хотимъ вложить часть своей мысли и надежды въ неопредѣленную перспективу грядущаго. Та естественная необходимость, которая стоитъ въ противорѣчіи съ нравственнымъ идеаломъ, здѣсь просто отрицается. Задача состоитъ въ томъ, чтобы установить безусловную заповѣдь для нравственныхъ стремленій. Для силы этой заповѣди непосредственный практическій успѣхъ не имѣетъ значенія: fais ce que dois, advienne que pourra.

Разсматривая возможныя отношенія историзма къ естественно-правовой проблемѣ, мы говорили до сихъ поръ объ исторіи въ собственномъ смыслѣ слова; но дѣло нисколько не поправляется отъ того, что недоступную для исторіи задачу пытаются возложить на то продолженіе и восполненіе исторіи, которое носитъ названіе соціологіи. Современная теорія познанія сильно поколебала надежды, возлагавшіяся на эту науку ранѣе, и въ частности она совершенно подорвала кредитъ соціологіи, какъ науки, способной предвидѣть соціальное будущее. Нисколько не отрицая важности соціологическихъ обобщеній и ихъ извѣстной пользы для практики, мы, однако, и здѣсь должны повторить то заключеніе, которое

выведено нами по отношенію къ фундаменту соціологіи,— къ исторіи. Неспособная предсказывать будущее, она не можетъ и обсуждать его съ моральной точки зрѣнія. Будучи наукой причинъ и послѣдствій, она лишена возможности установлять требованія и нормы: вопросъ о должномъ выходитъ изъ ея сферы. Оставаясь объективной теоріей, она скажетъ намъ, напримѣръ, что въ одномъ случаѣ слѣдуетъ, вѣроятно, ожидать „побѣды эгалитарной свободы надъ режимомъ монополіи и произвола“, а въ другомъ—„измѣненія политическихъ порядковъ къ пользѣ правящихъ классовъ и въ смыслѣ ограниченія суверенитета массъ“, но въ какомъ отношеніи эти результаты стоятъ къ нашимъ нравственнымъ идеаламъ, этого она не можетъ сказать. Оба результата, съ точки зрѣнія объективной науки, одинаково несбходимы или, чтобы выразиться старымъ и вышедшимъ теперь изъ употребленія терминомъ позитивистовъ — оба они будутъ соотвѣтствовать „общему консенсусу соціальнаго организма“. И если оставаться въ предѣлахъ этого взгляда, то всякій „консенсусъ“, всякая конкретная форма его проявленія одинаково правомѣрна, поскольку она одинаково необходима и естественна при данныхъ условіяхъ. Нравственный вопросъ здѣсь просто устраняется, и если бы соціологъ отдалъ предпочтеніе одной формѣ предъ другою, онъ уклонился бы этимъ самымъ отъ пути историческаго релятивизма и допустилъ бы въ своихъ сужденіяхъ масштабъ для оцѣнки. Тутъ можно говорить только о формахъ болѣе сложныхъ и менѣе сложныхъ, болѣе жизнеспособныхъ и ме-

нѣе жизнеспособныхъ, но не далѣе; а всѣ подобныя категоріи не имѣютъ никакого отношенія къ этикѣ. Болѣе жизнеспособный и приспособленный вовсе не то же, что лучшій и этически—цѣнный. Чтобы вспомнить примѣръ изъ естествознанія, приведенный у Гёкели,—при извѣстныхъ условіяхъ развитія наиболѣе приспособленными къ жизни повсюду могутъ оказаться лишайники. Все это повторялось много разъ, и едва ли требуетъ болѣе подробнаго разъясненія.

Односторонность соціологіи, индифферентной къ моральному вопросу, въ свое время хорошо была указана русской соціологической школой. Но вмѣсто того, чтобы признать эту односторонность необходимой и законной, русскіе соціологи такъ назыв. субъективной школы попытались ее исправить при помощи восполненія самой соціологіи. Они признали, говоря словами ихъ авторитетнаго представителя, проф. Карѣева, что „одно объективное изученіе общественныхъ явленій и формъ безъ субъективной ихъ оцѣнки идеальнаго представленія о томъ, каково должно быть общество, не можетъ дать полнаго соціологическаго пониманія". Поэтому они требовали, чтобы юридическія, политическія и экономическія явленія изучались въ связи съ ихъ значеніемъ для отдѣльныхъ лицъ. Это требованіе, поскольку въ немъ заключается стремленіе отстоять отъ объективизма науки проблему моральной оцѣнки, выгодно отмѣчаетъ субъективныхъ соціологовъ отъ тѣхъ объективистовъ, которые не только устраняютъ изъ своей сферы, но и совершенно отрицаютъ этическій

элементъ. Неосновательная „замѣна этицизма историзмомъ“ всегда находила въ нихъ рѣшительныхъ противниковъ. Во время недавняго господства позитивизма они съ большой чуткостью указывали на всю незаконность устраненія моральной проблемы, и въ этомъ заключается ихъ несомнѣнная заслуга. Но ихъ ошибка, теперь уже неоспоримо разъясненная критикой, состояла въ томъ, что вмѣсто строгаго разграниченія этическаго элемента отъ научнаго они допускали ихъ сочетаніе. Отсюда проистекла неудачная концепція субъективной соціологіи и удивительная по своей философской несостоятельности идея „субъективнаго метода“. Понятно, что въ цѣломъ это построеніе должно было вызвать протесты и со стороны позитивной науки, и со стороны моральной философіи, ибо правильное соотношеніе этихъ двухъ областей состоитъ въ ихъ полномъ разграниченіи. Мораль проявляетъ свою особенность именно въ томъ, что она судитъ независимо отъ закономѣрности, раскрываемой наукой; она имѣетъ свою собственную закономѣрность. Съ другой стороны, наука по необходимости должна быть индифферентна къ выводимымъ изъ нея результатамъ: она ищетъ законовъ, раскрываетъ причины явленій и кромѣ этого ничего не знаетъ. Надо съ полной точностью провести это разграниченіе, чтобы притти къ сознанію, что нравственная оцѣнка нисколько не расширяетъ „соціологическаго пониманія“. Скорѣе слѣдуетъ сказать, что, примѣняя эту оцѣнку, мы отвлекаемся отъ соціологическаго познанія, отходимъ отъ него, такъ какъ смыслъ ея состоитъ въ томъ, чтобы утверждать свое

значеніе, несмотря на причинную связь событій и на ихъ естественный ходъ.

Прямымъ результатомъ допущенной субъективистами неточности понятій явилась неправильная постановка моральной проблемы. Сближенная съ основами позитивизма, она не могла быть развита во всей своей полнотѣ. Субъективисты не столько поставили, сколько почувствовали задачу, и еще менѣе того они ее разрѣшили. Вотъ почему современнымъ сторонникамъ естественно-правовой идеи приходится искать для себя опоры не въ русской соціологической литературѣ—какъ предлагаетъ это проф. Карѣевъ, — а въ болѣе глубокихъ источникахъ философскаго идеализма. Будучи лишь частнымъ послѣдствіемъ цѣлой системы философскихъ понятій, эта идея никоимъ образомъ не можетъ найти для себя надлежащей поддержки въ томъ направленіи, философскіе пробѣлы котораго совершенно лишаютъ его перспективы на дальнѣйшее развитіе: оно всецѣло становится достояніемъ исторіи.

VI.

Мы разсмотрѣли возможныя отношенія историзма къ естественно-правовой проблемѣ и пришли къ заключенію, что проблема эта остается для него несоизмѣримой. Все равно, видоизмѣняя или замѣняя ее, историзмъ въ концѣ концовъ ее устраняетъ. Соціологія тутъ нисколько не поможетъ, и когда она пытается расширить себя путемъ внесенія этическаго элемента, она подрываетъ этимъ

свои собственныя основы. Для исторической методы оказывается неуловимымъ самое существо морали, и она не можетъ къ нему подойти, не нарушая своей компетенціи и не выходя изъ своихъ границъ.

Это нисколько не устраняетъ возможности историческаго изученія проявленій морали. Напротивъ, здѣсь открывается благодарное поле для изслѣдованій, весьма любопытныхъ по предмету и вполнѣ доступныхъ для историческаго анализа. Такъ, напримѣръ, никоимъ образомъ нельзя отрицать значенія тѣхъ работъ, которыя стремятся установить преемственную связь между различными формами нравственнаго сознанія и показать, въ какой зависимости находилось ихъ развитіе отъ измѣнявшихся историческихъ условій. Когда затѣмъ изслѣдованія этого рода обобщаются въ извѣстные соціологическіе выводы, это является только вполнѣ законнымъ продолженіемъ правильно поставленной работы. Однако, въ этихъ обобщеніяхъ есть одна опасность, которую мы должны теперь выяснить. Составляя одно изъ преувеличеній историзма, она является вмѣстѣ съ тѣмъ большимъ ущербомъ для правильнаго пониманія моральной проблемы, и мы тѣмъ менѣе можемъ пройти ее молчаніемъ, что отсюда открывается новая перспектива на интересующую насъ идею естественнаго права.

Я имѣю здѣсь въ виду тѣ заключенія историзма, которыя были особенно поддержаны въ немъ вліяніемъ позитивной соціологіи. Историки часто говорятъ о соціологической методѣ, какъ о крупнѣйшемъ пріобрѣтеніи своей методологіи, и поскольку въ этомъ понятіи содер-

жится требованіе углубленія историческаго анализа, нельзя не согласиться, что позитивизмъ принесъ въ этомъ отношеніи свою долю пользы. Вмѣстѣ съ другими сродными теченіями мысли, онъ прочно утвердилъ среди историковъ стремленіе изучать всѣ отдѣльныя явленія общественной жизни въ связи со всѣмъ ея строемъ, въ общемъ контекстѣ историческаго процесса. Кто станетъ теперь отрицать важность этого пріема, столь счастливо примѣненнаго въ различныхъ областяхъ исторической науки? Но вмѣстѣ съ этимъ важнымъ указаніемъ позитивизмъ нерѣдко сообщалъ усвоившимъ его направленіямъ и свои ошибочныя заключенія, въ которыхъ уже не было ничего научнаго. Съ нѣкоторыми здоровыми научными тенденціями онъ соединялъ еще особую „положительную философію“, которая, по вѣрному замѣчанію Б. Н. Чичерина, не имѣла ничего общаго съ положительной наукой. Для того, чтобы разобраться въ этомъ сочетаніи плодотворныхъ стремленій съ ложными выводами и началами, требовался философскій анализъ, но его-то какъ разъ и недоставало въ эпоху перваго увлеченія позитивизмомъ, когда философія находилась въ величайшемъ пренебреженіи. Этимъ объясняется совершенно непонятное для нашего поколѣнія распространеніе среди нашихъ предшественниковъ системы позитивизма, со всѣми ея поверхностными утвержденіями. Мы остановимся здѣсь вкратцѣ на этихъ утвержденіяхъ, поскольку они касаются нашей темы.

Примѣненіе позитивно-соціологической методы къ изученію морали и права выразилось въ томъ, что и они

стали разсматриваться какъ явленія общественныя и историческія, въ связи со всѣмъ цѣлымъ соціальной жизни и въ процессѣ ихъ послѣдовательнаго измѣненія, подъ вліяніемъ измѣненій этого цѣлаго. По точному смыслу этой задачи, получаемыя такимъ образомъ заключенія опираются на предположеніе извѣстнаго единства соціальной жизни, съ которымъ отдѣльныя явленія приводятся въ связь. Въ свѣтѣ этого единства каждое явленіе находитъ свое соціологическое объясненіе и становится понятнѣе, какъ соціальный фактъ.

Принимая въ этихъ предѣлахъ соціологическое объясненіе морали и права, мы должны, однако, требовать, чтобы отсюда не выводилось заключеній, для которыхъ нѣтъ достаточныхъ основаній въ принятыхъ посылкахъ. Откуда слѣдуетъ, въ самомъ дѣлѣ, что соціологическое объясненіе исчерпываетъ самую сущность явленій или—чтобы выразиться менѣе отвѣтственнымъ въ глазахъ позитивистовъ оборотомъ рѣчи,—что это объясненіе освѣщаетъ предметъ со всѣхъ сторонъ? А между тѣмъ именно такой выводъ мы встрѣчаемъ у позитивистовъ. Изъ того обстоятельства, что право и мораль могутъ разсматриваться, какъ явленія историческія и общественныя, они вывели удивительный результатъ, что въ этомъ состоитъ и самая сущность этихъ явленій. Говоря точнѣе, они пришли къ выводу, что нравственная область всецѣло представляетъ собою продуктъ историческаго процесса и общественнаго воспитанія. Хорошо знакомый юристамъ примѣръ такого выведенія данъ Іерингомъ въ его сочиненіи: „Zweck im Recht.“ Не принадлежа собственно

къ соціологической школѣ, но близкій къ ней по духу, онъ пытался доказать, что всѣ нравственныя установленія могутъ быть объяснены однимъ общественнымъ развитіемъ, помимо всякихъ первоначальныхъ задатковъ. Въ этомъ же состоитъ и обычный ходъ разсужденія соціологовъ — позитивистовъ. Какъ удачно изображаетъ ихъ пріемы г. Кистяковскій, послѣдовательные эволюціонисты „показываютъ сперва, какъ никакой нравственности не существовало; затѣмъ слѣдятъ, какимъ образомъ на почвѣ этого первобытнаго состоянія, лишеннаго всякаго зерна того, что мы называемъ нравственностью, постепенно появляются зародыши нравственныхъ отношеній и представленій. Послѣдніе, наконецъ, развиваются постепенно въ цѣлую систему нравственныхъ воззрѣній“. Побудительными причинами этого развитія считаются условія общественной жизни, ея практическія потребности и цѣли.

Основная ошибка этого воззрѣнія, придававшаго столь всемогущій смыслъ идеѣ общественной эволюціи, уже давно указывалась философами, которые оставались чуждыми позитивистическимъ предразсудкамъ. Давно уже было разъяснено, какъ мало возможно путемъ эволюціи объяснять развитіе всего изъ ничего и забывать, что развитіе чего-либо становится непонятнымъ, если не допустить существованія „субстрата, уже заключающаго въ себѣ хотя бы въ потенціи элементы того, что впослѣдствіи разовьется“. Перешагнувъ это затрудненіе и признавъ нравственность историческимъ наслоеніемъ, позитивно-историческое воззрѣніе уже съ неизбѣжной

послѣдовательностью надѣлило ее чертами полной относительности и условности. Практическое установленіе для практическихъ цѣлей, зарождающееся и мѣняющееся въ соотвѣтствіи съ этими цѣлями приспособляющееся ко времени и средѣ, къ цѣлому соціальной жизни,—вотъ представленіе позитивистовъ о нравственности, поясняющее точнѣе, что именно слѣдуетъ разумѣть подъ ихъ утвержденіемъ, что она представляетъ собою явленіе исключительно историческое и общественное.

Такъ вполнѣ законное соціологическое разсмотрѣніе превращается въ крайне претенціозное построеніе, выдающее себя за объясненіе „послѣднихъ основъ права и общества". Вмѣсто того, чтобы остаться въ соотвѣтствующихъ его существу скромныхъ границахъ, соціологизмъ занимаетъ здѣсь нѣкоторую универсальную позицію, исключающую всякія другія точки зрѣнія. Считая свое объясненіе окончательнымъ, онъ не допускаетъ никакихъ другихъ: это единственный законный, и притомъ исчерпывающій путь къ изслѣдованію морали и права. Въ этомъ видѣ соціологическая метода должна вызвать противъ себя возраженія и подвергнуться необходимымъ ограниченіямъ.

Прежде всего необходимо замѣтить, что исключительность соціологическаго разсмотрѣнія, долженствующаго будто бы вытѣснить всякіе иные способы изслѣдованія, есть чисто мнимая. Историки и соціологи, вышедшіе изъ школы Конта, слишкомъ часто грѣшили въ сторону поверхностнаго догматизма употребляемыхъ понятій, и это особенно сказалось въ данномъ случаѣ. Основныя категоріи соціологіи, и прежде всего самый пред-

метъ соціологическаго изслѣдованія, требуютъ тщательной философской критики и провѣрки. Здѣсь необходимо сложное и детальное теоретико-познавательное и методологическое изслѣдованіе, которое только теперь начинаетъ съ успѣхомъ выполняться философскимъ анализомъ; а позитивисты старой школы даже и не подозрѣвали о его необходимости. Этимъ объясняется, что уже первый шагъ ихъ соціологіи есть грубая гносеологическая ошибка. Эта ошибка состоитъ въ наивно-реалистическомъ утвержденіи объективнаго характера изучаемыхъ фактовъ и связей. Соціальное цѣлое, какъ и всякая подлежащая нашему познанію дѣйствительность, представлялось имъ, какъ нѣкоторое твердое, независимо отъ насъ существующее, бытіе, еще до нашего познанія опредѣленное въ своихъ признакахъ. Связи, которыя обнаруживаются въ предѣлахъ этого цѣлаго, представлялись, какъ результатъ объективныхъ соотношеній и проявленій отдѣльныхъ соціальныхъ факторовъ. Для объясненія этихъ соотношеній приходило на помощь понятіе гармоніи или, что то же, солидарности, консенсуса. Старымъ соціологамъ казалось, какъ кажется и до сихъ поръ, что это совершенно ясныя категоріи, не требующія никакого теоретико-познавательнаго анализа. Здѣсь повторялась обычная ошибка догматическаго мышленія, прибѣгавшаго для разъясненія извѣстныхъ явленій къ нѣкоторымъ, какъ будто бы простымъ и понятнымъ величинамъ, которыя на повѣрку сами оказывались требующими разъясненія и сложными. Въ этомъ отношеніи понятіе солидарности, поскольку ему придается смыслъ реальнаго явленія, не-

далеко отстоитъ отъ понятій національнаго духа или исторической традиціи, при помощи которыхъ прежніе историки любили объяснять различные факты народной жизни. У самого основателя позитивной соціологіи мы находимъ относительно этого понятія такія выраженія, которыя менѣе всего способны служить точнымъ обозначеніемъ строго опредѣленнаго предмета науки. Такъ, Контъ говоритъ объ „очевидной самопроизвольной гармоніи, которая должна всегда стремиться господствовать между цѣлымъ и частями общественной системы“; онъ говоритъ о томъ, что отдѣльныя явленія „соприкасаются между собой и стремятся притти въ состояніе гармоніи“. Изъ этихъ опредѣленій слѣдуетъ, что солидарность общественныхъ явленій не есть законъ, принудительно господствующій надъ ними, а только извѣстное „стремленіе“, „тенденція“. Наблюдая соціальные феномены, мы дѣйствительно замѣчаемъ между ними извѣстныя черты согласія или солидарности; такъ, напримѣръ, понятія и нравы, съ одной стороны, политическія учрежденія съ другой—въ данное время и въ данномъ мѣстѣ всегда до извѣстной степени солидарны. Но столь же неизмѣнно замѣчаемъ мы и нарушенія этой солидарности, случаи дисгармоніи, разлада, борьбы. Это столь мало укрылось отъ взгляда Конта, что онъ принималъ даже возможность особыхъ эпохъ движенія, которымъ свойственны кризисы, борьба. Но развѣ эти кризисы не подготовляются въ предшествующія эпохи порядка и видимой гармоніи? Возможны ли тутъ рѣзкія разграниченія?

Анализируя далѣе понятіе солидарности, мы должны притти къ заключенію, что это не есть ни соціальный законъ, ни объективное состояніе соціальныхъ явленій, какъ думаютъ позитивисты. Съ точки зрѣнія теоретико-познавательнаго критицизма, это—не болѣе, какъ наша субъективная категорія, какъ построеніе нашей мысли. Разсматривать явленія въ состояніи гармоніи и покоя или же въ состояніи прогресса и движенія, это — лишь особые способы изслѣдованія, особые познавательные пріемы. Разсматривая соціальные феномены со стороны ихъ согласія, мы сознательно устраняемъ противорѣчащіе элементы, которые не важны для этой точки зрѣнія. Такъ, напримѣръ, останавливаясь на гармоніи экономическихъ формъ, политическихъ учрежденій и нравственныхъ идей въ извѣстную эпоху, мы намѣренно игнорируемъ тотъ фактъ, что политическія учрежденія могутъ отставать отъ экономическихъ формъ, а нравственныя идеи, въ смѣломъ предчувствіи будущаго, могутъ заходить значительно далѣе, чѣмъ требуютъ экономическія условія. И это несоотвѣтствіе не есть исключеніе, а постоянный фактъ соціальной жизни, столь же необходимый, какъ и наблюдаемое равновѣсіе общественныхъ явленій. Отсюда бы слѣдовало заключить, что „консенсусъ“, или солидарность соціальной жизни есть лишь извѣстная субъективная категорія и, для того, чтобы она сдѣлалась настоящимъ научнымъ пріобрѣтеніемъ, ей слѣдовало бы дать гораздо болѣе точное опредѣленіе. Ее необходимо подвергнуть предварительно гносеологической и методологической обработкѣ, и перенесть

весь вопросъ съ почвы наивнаго реализма на почву теоретико-познавательнаго критицизма.

Я коснулся здѣсь этого пункта только для того, чтобы сказать, насколько ошибочно представленіе позитивистовъ, будто бы такъ называемое соціологическое разсмотрѣніе явленій есть единственное истинно-научное. Какъ только мы приходимъ къ убѣжденію, а къ этому насъ приводитъ все современное теоретико-познавательное движеніе, что соціологическое разсмотрѣніе есть лишь извѣстный уголъ зрѣнія, извѣстный пріемъ научной абстракціи, мы должны допустить, что это разсмотрѣніе нисколько не исключаетъ другихъ возможныхъ точекъ зрѣнія. Въ конкретной дѣйствительности соціальная жизнь представляетъ вовсе не эту абстрактную гармонію, а пестрое сочетаніе различныхъ явленій, которыя могутъ быть изучаемы и помимо этой гармоніи. Нѣтъ никакого логическаго основанія къ тому, чтобы отвергать законность того изолированнаго изученія различныхъ соціальныхъ элементовъ, которое Контъ считалъ нерацiональнымъ и безплоднымъ, иллюстрируя свою мысль примѣромъ политической экономіи. Изолированное изученіе извѣстныхъ свойствъ предметовъ и ихъ причинныхъ соотношеній составляетъ обычный пріемъ точныхъ наукъ, и ссылка на политическую экономію служитъ прямымъ опроверженіемъ той мысли, которую Контъ хотѣлъ доказать. Столь же мало имѣется основаній утверждать, будто бы соціологическое разсмотрѣніе имѣетъ за собою преимущество большей глубины, будто бы оно приводитъ къ послѣднимъ основаніямъ

соціальныхъ явленій. Напротивъ, гораздо скорѣе слѣдовало бы сказать, что въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ вопросахъ оно останавливается на порогѣ проблемы, къ разрѣшенію которой оно не можетъ приступить, не оставляя своей почвы. Это именно слѣдуетъ сказать по отношенію къ нравственному вопросу. Соціологическое разсмотрѣніе беретъ только внѣшнюю измѣнчивость нравственныхъ явленій, въ зависимости отъ общаго хода соціальной жизни. Но эта измѣнчивость нисколько не опредѣляетъ существа нравственности. Для того, чтобы понять это существо, мы должны оставить почву соціологіи и обратиться къ другимъ способамъ изученія. Какъ скоро мы убѣдились, что исключительный характеръ соціологическаго изученія есть чистая фантазія, ничто не препятствуетъ намъ признать на ряду съ этимъ другіе способы разсмотрѣнія, нисколько не вытѣсняемые соціологической методы и нисколько не менѣе важные.

Отсюда становится понятной та формула, которую мы противопоставляемъ позитивно-соціологическому направленію: нравственность (какъ и право) можетъ и должна изучаться не только какъ историческое и общественное явленіе, но такъ же, какъ внутренне-психическое индивидуальное переживаніе, какъ норма или принципъ личности. Рядомъ съ соціалогическимъ изученіемъ должно быть признано индивидуально-психологическое и нормативно-этическое; нравственность должна быть понята не только со стороны своей исторической измѣнчивости, но такъ же, какъ явленіе и законъ личной жизни, какъ внутренняя абсолютная цѣнность. Все это термины и по-

нятія, совершенно недоступные соціологіи: для того, чтобы къ нимъ перейти, надо ее оставить. Неудивительно, если юристамъ и историкамъ, воспитаннымъ на позитивизмѣ, это изученіе права и морали, какъ явленій индивидуальныхъ, кажется просто безплодной діалектикой: для того, чтобы оцѣнить это изученіе, надо быть знакомымъ съ философіей и отрѣшиться отъ предразсудковъ старой соціологической школы.

Само собою разумѣется, что психологическое и этическое изученіе морали и права, строго ограничивая себя отъ соціологическаго изученія, не хочетъ ни соперничать съ этимъ послѣднимъ, ни замѣнять его: у нихъ просто различные пути и задачи изслѣдованія. Вотъ почему простымъ недоразумѣніемъ является упрекъ нашему воззрѣнію въ томъ, что оно является „несоціологическимъ“: требовать здѣсь соціологизма такъ же мало умѣстно, какъ, напримѣръ, въ математикѣ. Нужно оставить навсегда эту мысль, будто бы соціологія есть какая-то наука наукъ, безъ которой въ извѣстной области явленій нельзя ступить и шага: это просто одинъ изъ возможныхъ способовъ изученія, имѣющій строго опредѣленную сферу примѣненія.

Защищая изученіе права внѣ сферы соціологіи, мы не хотимъ утверждать, чтобы это изученіе осталось совершенно чуждымъ для позитивистовъ. Въ этомъ отношеніи надо сдѣлать въ особенности исключеніе для юристовъ, которые не могли не знать столь неясной для многихъ историковъ стороны своего предмета, составляющей спеціальную задачу юридическаго изученія. Въ

такъ называемой юридической догмѣ, методологически совершенно независимой отъ исторіи и соціологіи, юристы имѣли извѣстный примѣръ нормативнаго разсмотрѣнія и всегда отстаивали свою особую формальную точку зрѣнія на правовыя нормы, какъ не имѣющую ничего общаго съ соціологическимъ объясненіемъ содержанія этихъ нормъ. Одностороннее соціологическое пониманіе права не помѣшало Іерингу дать въ III части „Духа римскаго права“ блестящій образецъ разработки юридической техники, которая представляетъ совокупность самостоятельныхъ логическихъ пріемовъ для обработки догмы права. Въ руской литературѣ можно найти по этому поводу очень цѣнныя замѣчанія у проф. Муромцева, который, несмотря на свою приверженность позитивно-соціологическому направленію, остался, благодаря своей юридической подготовкѣ, вѣренъ началу нормативнаго разсмотрѣнія. Отправляясь отъ совершенно точнаго разграниченія юридическаго принципа и юридическаго закона, изъ которыхъ первый „указываетъ, что должно быть по мнѣнію людей, а второй—что есть въ силу природы человѣка, общества и міра“, проф. Муромцевъ писалъ: „смѣшеніе двухъ точекъ зрѣнія, догматической и научно-исторической, составляетъ въ нашей наукѣ результатъ ложно-направленнаго стремленія примѣнить къ ней требованія высшаго научнаго метода... Прежняя юриспруденція, какъ бы несовершенна она ни была, оставила намъ прочное основаніе догматики, не допускающее черезчуръ небрежнаго обращенія съ собою. Реформа, въ которой нуждается юриспруденція, состоитъ

не въ отрицаніи старыхъ цѣлей, которыя всегда были и будутъ конечными цѣлями ея, но въ дополненіи этихъ цѣлей, ради болѣе успѣшнаго достиженія ихъ, новыми цѣлями и соотвѣтственными средствами. Все, что касается до построенія „науки“ гражданскаго права въ строгомъ значеніи этого имени, приходится созидать прежде всего не внутри догматики, а внѣ ея и притомъ рядомъ съ нею“. Изъ этого видно, что почтенный ученый совершенно ясно представлялъ отношеніе новыхъ пріемовъ соціологическаго изслѣдованія къ старымъ. Нельзя, однако, не сказать, что „стремленіе примѣнить къ юриспруденціи требованія высшаго научнаго метода“ и проф. Муромцева приводило къ нѣкоторымъ ошибочнымъ результатамъ, стоявшимъ въ противорѣчіи съ отвлеченно-нормативной сущностью юриспруденціи. Такъ, въ различныхъ мѣстахъ его болѣе поздняго труда: „Опредѣленіе и основное раздѣленіе права“ (1879 г.) проглядываетъ стремленіе устранить представленіе о правѣ, какъ объ отвлеченномъ предметѣ, и превратить мыслимую юридическую связь въ фактическую, „соотвѣтствующую конкретной дѣйствительности“. Это отразилось, напримѣръ, на ученіяхъ о преемствѣ и возстановленіи правъ, за которыми проф. Муромцевъ отказывался признать реальный смыслъ. Между тѣмъ ясное пониманіе нормативной стороны права заставляетъ настаивать какъ разъ на противоположномъ взглядѣ, что право есть отвлеченная мыслимая связь, далеко не соотвѣтствующая конкретной дѣйствительности, которая не покрываетъ и не исчерпываетъ той мыслимой связи и въ случаяхъ

нарушенія права можетъ становиться съ ней въ противорѣчіе. Конкретная жизнь вноситъ много измѣненій, дополненій и корректуръ въ отвлеченныя требованія права, которыя, какъ еще недавно разъяснилъ Іеллинекъ, имѣютъ отношеніе не къ конкретному бытію, а къ абстрактному долженствованію. Примѣръ этого авторитетнаго и для нашихъ позитивистовъ ученаго долженъ былъ бы окончательно убѣдить ихъ въ томъ, что изолированное изученіе нормативной стороны права есть совершенно законный пріемъ изслѣдованія, имѣющій всѣ права на существованіе, наряду съ историко-соціологическимъ изученіемъ.

Мнѣ могутъ замѣтить, ссылаясь на мною же приведенные примѣры, что юристы всегда это отлично понимали. Но сдѣланная выше выписка изъ проф. Муромцева свидѣтельствуетъ о томъ, что въ эпоху господства позитивизма чувствовалась опасность незаконнаго внесенія новыхъ пріемовъ изслѣдованія въ спеціальную область юриспруденціи. Противъ этого и возставалъ проф. Муромцевъ, разъясняя, что новые пріемы должны восполнить, а не вытѣснить старые. А что это предостереженіе имѣло свои основанія, объ этомъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, выводы, сдѣланные многими юристами изъ книги проф. Сергѣевича „Задача и метода государственныхъ наукъ“ (1871 г.). Судьба этой книги настолько поучительна для разсматриваемаго нами вопроса, что мы не можемъ не сказать о ней нѣсколько словъ.

Въ свое время эта книга, принадлежавшая перу при-

знаннаго и весьма авторитетнаго писателя, пользовалась огромной популярностью. Каждый юристъ еще лѣтъ 20 тому назадъ считалъ своимъ долгомъ прочесть ее и усвоить, какъ нѣкоторый vademecum, обязательный для того, кто хочетъ имѣть ясное представленіе о задачахъ науки. Въ университетскихъ курсахъ по этой книгѣ излагали отдѣлы методологіи; изъ нея учились, какъ надо строить на новыхъ позитивныхъ основаніяхъ науку права, предполагая, что эти новыя основанія должны совершенно вытѣснить старую формальную юриспруденцію и философію права. Тутъ была цѣлая программа, составленная въ духѣ Конта и Милля. Она была предложена собственно для государственниковъ, но встрѣтила сочувственный пріемъ также среди криминалистовъ и цивилистовъ. Но если мы спросимъ теперь себя: гдѣ результаты этой программы? пошла ли дѣйствительно юридическая наука по этому пути? была ли она переработана на новыхъ началахъ?—то мы должны отвѣтить на эти вопросы отрицательно. Въ сущности, далѣе программы дѣло не пошло; все ограничилось первыми листами курсовъ и добрыми пожеланіями. Всего менѣе программа позитивной методологіи нашла для себя примѣненіе въ той области, для которой она была предложена проф. Сергѣевичемъ, т. е. въ области государственнаго права. Старая государственная школа Блюнчли и Моля, представлявшая пеструю амальгаму юридическаго и политическаго элементовъ съ историческимъ и философскимъ, дѣйствительно устарѣла и оставлена всѣми; въ критикѣ ея проф. Сергѣевичъ былъ совершенно правъ; но новая

наука государственнаго права пошла по такому пути, котораго совершенно не предвидѣли въ 70-хъ г.г.: она усвоила такъ называемое юридическое направленіе Лабанда и Іеллинека, которое лишній разъ и на новомъ примѣрѣ блестяще доказываетъ, сколь плодотворно можетъ быть изолированное изученіе извѣстной стороны предмета, что бы ни говорили объ этомъ позитивисты. Несмотря на сильную оппозицію Гирке и Штёрка, несмотря на попытку осудить это направленіе, какъ „цивилистическое“ и неподходящее къ публичному праву, оно можетъ считаться теперь господствующимъ. Такимъ образомъ, вопреки ожиданіямъ позитивистовъ, послѣдніе годы ознаменовались въ юриспруденціи новымъ торжествомъ нормативно-формалистической методы, между тѣмъ какъ проектъ разработки государственной науки въ духѣ Конта и Милля такъ и остался въ стадіи проекта. Надо ли прибавлять, что и въ другихъ юридическихъ дисциплинахъ, имѣвшихъ за собою болѣе опредѣленное прошлое, нормативная метода удержалась въ полной силѣ? Программа позитивизма, около 20 лѣтъ составлявшая у насъ своего рода катихизисъ, теперь совершенно забыта юристами. Ее даже не считаютъ нужнымъ критиковать, а просто не слѣдуютъ ей. Книгу Сергѣевича уже теперь приходится отряхивать отъ слоя пыли, свидѣтельствующаго о ея рѣдкомъ употребленіи. Послѣдніе могиканы позитивизма тщетно пытаются въ случайныхъ статьяхъ напомнить забытыя положенія Конта. Господство въ философской области принадлежитъ не

имъ, и живая работа мысли совершается въ другомъ направленіи и на другихъ основаніяхъ.

Возвращаясь къ вопросу о постановкѣ нормативнаго размотрѣнія, я долженъ прибавить, что если позитивизмъ не помѣшалъ нѣкоторымъ юристамъ признать его законность въ предѣлахъ юриспруденціи, то во всякомъ случаѣ онъ воспрепятствовалъ провести нормативный принципъ съ полной послѣдовательностью. Областью положительнаго, дѣйствующаго права примѣненіе нормативнаго принципа никоимъ образомъ не можетъ ограничиться. Если соціологическое разсмотрѣніе права, какъ соціальнаго явленія, необходимо должно привести его въ связь съ другими сторонами общественной жизни, то, съ другой стороны, и нормативное разсмотрѣніе, философски-поставленное, должно продолжить свои линіи въ ту глубину человѣческаго сознанія, изъ которой черпаютъ свою силу всѣ нормы. Для потребностей практическаго оборота можетъ быть достаточна та юридическая техника, которую такъ мастерски характеризуетъ Іеринъ; но философская обработка идеи права должна вести насъ далѣе, въ сторону моральной проблемы во всемъ ея объемѣ и глубинѣ, и, какъ разъяснено было уже выше, только здѣсь можетъ найти для себя опору идея естественнаго права.

Здѣсь-то мы снова приходимъ къ нашей формулѣ, что право должно быть понято не только какъ фактъ соціальной жизни, но такъ же, какъ норма и принципъ личности. Въ этомъ именно смыслѣ брала его старая философія права, отъ которой сохранилось и для на-

шего времени много цѣнныхъ результатовъ, и въ этомъ смыслѣ оно всегда будетъ подвергаться изслѣдованію тѣми, кто захочетъ проникнуть въ его внутреннюю сущность, кто захочетъ дойти до его послѣднихъ основаній. Вотъ почему мы не можемъ не привѣтствовать возрождающагося въ наши дни интереса къ этой внутренней сущности права, независимой отъ временныхъ условій его общественнаго развитія и отъ опредѣленій положительнаго закона. Въ нашей русской литературѣ мы должны въ особенности упомянуть интересную попытку проф. Петражицкаго освободить философскую разработку права отъ гипноза со стороны положительнаго закона и практическаго оборота, „суживающаго и искажающаго теоретическій горизонтъ зрѣнія“. Мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что такъ называемая психологическая теорія г. Петражицкаго имѣетъ свои основанія; но для ея завершенія необходимо, какъ на это уже было указано критикой, чтобы эта психологическая теорія перешла въ этическую. Пока мы остаемся въ предѣлахъ психологическихъ наблюденій, мы не выходимъ изъ области существующаго: дѣло ограничивается въ такомъ случаѣ установленіемъ конститутивныхъ признаковъ правосознанія, при чемъ по необходимости приходится брать правосознаніе во всемъ разнообразіи его проявленій, какъ бы ни были они случайны. Для того, чтобы опредѣлить регулятивныя его начала,—а безъ этого никакая философія права немыслима—требуется переходъ къ этикѣ, къ ученію о должномъ. Проф. Петражицкій пока этого шага не дѣлаетъ, но это воз-

можно только въ первой части его работы, посвященной выясненію предварительныхъ понятій. По плану автора, за этой частью должна послѣдовать вторая—политика права, и здѣсь необходимость этическаго элемента скажется сама собою: для политики прежде всего необходимо выяснить вопросъ о цѣли права и опредѣлить ее съ точки зрѣнія должнаго. Это будетъ только соотвѣтствовать той горячей поддержкѣ, которую находятъ въ авторѣ идеи нравственнаго идеализма и естественнаго права. А безъ этого все изслѣдованіе рисковало бы остаться въ обычныхъ рамкахъ эмпирическихъ обобщеній и повторить основную ошибку позитивизма по отношенію къ моральной проблемѣ. Такимъ образомъ психологическая теорія необходимо должна перейти въ этическую теорію. Я бы сказалъ, что это три стадіи подъема въ развитіи нормативнаго начала:

1. Формально-позитивная догматика, не выходящая изъ сферы обработки дѣйствующаго права. Ея завершеніемъ является такъ называемая философія положительнаго права, въ послѣднее время выдвинутая въ особенности Меркелемъ и Бергбомомъ и имѣющая цѣлью на почвѣ историческаго положительнаго права вывести всѣ опредѣленія философіи права. Это точка зрѣнія вполнѣ уживается съ позитивизмомъ, поскольку онъ дѣлаетъ отступленіе въ пользу изолированнаго изученія извѣстныхъ явленій; но она не идетъ въ глубь индивидуальнаго правосознанія и остается на поверхности нормативныхъ опредѣленій, не достигая ихъ жизненнаго корня.

2. Эмпирическій анализъ идеи права, какъ внутренне-

психическаго индивидуальнаго переживанія. Примѣромъ такого анализа служитъ теорія проф. Петражицкаго. Здѣсь совершается необходимое расширеніе теоретическаго поля зрѣнія, но это не болѣе какъ путь и ступень, оставаясь на которыхъ мы еще не можемъ притти отъ эмпирическихъ явленій къ идеальнымъ началамъ.

3. Этическая теорія права, классическіе примѣры которой даны намъ въ системахъ великихъ нѣмецкихъ идеалистовъ и которая связываетъ философію права со всѣмъ философскимъ міросозерцаніемъ, т. е. вводитъ ее въ естественную связь понятій. Только здѣсь совершается необходимое завершеніе нормативнаго пониманія права. Эта третья ступень логически вытекаетъ изъ самаго понятія права, какъ нормативнаго требованія. Философскій анализъ этого понятія долженъ привести къ основамъ этого требованія, и притомъ къ нравственнымъ основамъ, поскольку каждая норма, каждое „ты долженъ“ порождаетъ вопросъ о нравственной основѣ этого долженствованія.

Намъ слѣдуетъ теперь характеризовать основныя черты этого философскаго взгляда. Въ предѣлахъ краткой статьи не можетъ быть и рѣчи объ исчерпывающемъ развитіи этой теоріи: мы имѣли въ виду только необходимое указаніе ея основъ, безъ котораго невозможно обойтись при разъясненіи существа естественно-правовой проблемы.

Формулу философскаго изученія права мы уже установили выше: это изученіе беретъ право, не какъ историческое и общественное явленіе — эта точка зрѣнія

вполнѣ умѣстна, но недостаточна,—а какъ явленіе и законъ личной жизни, какъ внутреннюю абсолютную цѣнность.

Поставивъ вопросъ на почву этики, мы этимъ самымъ оправдали, какъ индивидуализмъ, такъ и абсолютизмъ защищаемаго воззрѣнія. Ибо индивидуализмъ является исходнымъ пунктомъ всѣхъ моральныхъ опредѣленій; а абсолютизмъ—той неизмѣнной формы ихъ, которая вмѣстѣ съ тѣмъ характеризуетъ и самую ихъ сущность.

Индивидуализмъ является въ такой мѣрѣ принадлежностью этики, что эти два понятія можно признать синонимами. Какъ область свободы, этика прежде всего предполагаетъ самоопредѣленіе личности. Первое и основное опредѣленіе этики есть опредѣленіе сознательной обязанности, а такая обязанность можетъ имѣть смыслъ только въ отношеніи къ личности, какъ къ единственному источнику сознательныхъ рѣшеній. Опредѣленія морали получаютъ свой смыслъ, свою реальность только какъ индивидуальныя переживанія личности. Если эти опредѣленія касаются интересовъ цѣлаго и приводятъ къ организованному сотрудничеству многихъ для достиженія общихъ цѣлей, то эти цѣли ощущаются и сознаются опять-таки отдѣльными лицами. Самоопредѣляющаяся личность, это — тотъ пунктъ, тотъ фокусъ, преломляясь въ которомъ, общественныя цѣли и требованія пріобрѣтаютъ нравственный характеръ. Это—почва, на которой воздвигается высшее благо нравственнаго міра, „царство лицъ, какъ цѣлей“, по выраженію Канта; это—нравственная основа общественности. Внѣ обще-

ственныхъ союзовъ личность не можетъ проявить всей полноты, всего содержанія нравственныхъ цѣлей, но, съ другой стороны, внѣ автономной личности нѣтъ и вовсе нравственности. Въ этомъ именно состоитъ отличіе нравственнаго общенія людей отъ общественной жизни животныхъ: сочетаніе отдѣльныхъ силъ для достиженія общихъ цѣлей и пожертвованіе собою для другихъ встрѣчается и въ мірѣ животныхъ, но только въ человѣческомъ мірѣ служеніе общимъ цѣлямъ принимаетъ характеръ сознательнаго долга, а жертва для другихъ становится нравственнымъ подвигомъ. Личность, это—грань между царствомъ необходимости и царствомъ свободы, а нравственное призваніе ея впервые обнаруживаетъ для человѣка его безконечныя задачи и его причастность міру свободы.

Противъ индивидуализма, какъ принципа морали, нельзя возражать указаніемъ на то, что личность только при помощи общественнаго воспитанія становится моральной, что только общественная среда даетъ нравственному закону и его конкретное содержаніе, и силу для его осуществленія. Этическій индивидуализмъ вовсе не имѣетъ въ виду отрицать необходимость соціальной среды для проявленія нравственнаго закона. Напротивъ, какъ только мы формулировали нравственную норму личности, какъ законъ всеобщаго долженствованія, а это и есть основная формула морали, мы этимъ самымъ уже предположили существованіе не одной, а нѣсколькихъ личностей и поставили категорическій императивъ въ извѣстную связь съ остальнымъ міромъ. Категори-

ческій императивъ обращается къ отдѣльной личности, но онъ ставитъ ей такія требованія, которыя исходятъ изъ представленія о высшемъ объективномъ порядкѣ. Индивидуализмъ вовсе не имѣетъ въ виду исчерпать всѣ возможныя послѣдствія моральнаго закона, а только указать безусловную основу нравственнаго долженствованія, безъ которой нѣтъ и не можетъ быть нравственности. Но онъ нисколько не утверждаетъ, что нравственность имѣетъ и начало, и конецъ въ субъективномъ сознаніи лицъ, и является всецѣло внутреннимъ подвигомъ отдѣльнаго человѣка. Онъ не отрицаетъ ни значенія общихъ учрежденій, ни важности общественныхъ мѣръ, которыя, являясь выраженіемъ нравственныхъ стремленій, создаютъ для нравственнаго развитія лицъ соотвѣтствующую нравственную атмосферу и такимъ образомъ укрѣпляютъ дѣло нравственнаго прогреса. Но нравственный индивидуализмъ указываетъ для этого прогресса направленіе и цѣль: развитіе общественной среды имѣетъ своей конечной задачей возвышеніе нравственнаго достоинства и нравственнаго самосознанія лицъ; этимъ опредѣляется нормальное отношеніе общества къ своимъ членамъ.

Воззрѣнія, которыя настаиваютъ на соціальной сущности морали, смѣшиваютъ условія нравственнаго развитія съ его основаніемъ, средства съ цѣлью. Отъ этого упрека не свободно и глубокомысленное построеніе Гегеля, видѣвшаго въ обществѣ не только воспитывающую человѣка среду, но и самостоятельный нравственный организмъ, по отношенію къ которому лица являются

только преходящими явленіями. Между тѣмъ слѣдуетъ сказать какъ разъ наоборотъ, что основаніемъ и цѣлью является не общество, а лицо. Такъ называемый общественный организмъ не имѣетъ самостоятелънаго бытія: онъ существуетъ только въ лицахъ: это — единственныя реальности, чрезъ которыя проявляется духъ общенія. Общественный организмъ есть не болѣе какъ отвлеченіе, подъ которымъ понимается совокупность отдѣльныхъ лицъ. Вотъ почему, хотя только совмѣстная жизнь съ вытекающей изъ нея общностью чувствованій и переживаній даетъ содержаніе и подкрѣпленіе нравственному сознанію лицъ, но эти переживанія и чувствованія для каждаго изъ членовъ общенія только тогда получаютъ моральный характеръ, когда они проходятъ чрезъ его личное сознаніе: никакого другого сознанія, гдѣ бы они могли пріобрѣсть значеніе автономныхъ обязанностей, нѣтъ.

Сознаніе этой связи моральной идеи съ индивидуалистическимъ принципомъ составляетъ движущій моментъ въ томъ расцвѣтѣ индивидуалистическихъ теорій, который мы теперь несомнѣнно переживаемъ. Я не говорю здѣсь о томъ частичномъ признаніи идеи личности, которое мы находимъ у нѣкоторыхъ историковъ и соціологовъ. Попытки указать „роль личности въ исторіи“ или разъяснить, что съ ростомъ общества возрастаетъ и личность, имѣютъ совершенно другое значеніе, чѣмъ тотъ этическій индивидуализмъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь. Когда мы читаемъ, напримѣръ, у Зиммеля или у Дюркгейма о прогрессивномъ ростѣ личности, то мы

знаемъ, что за этимъ въ сущности скрывается соціологическое воззрѣніе о зависимости его отъ роста общества. Мы знаемъ, что для Дюркгейма, примѣняющаго къ изслѣдованію морали методу позитивныхъ наукъ, личность остается не болѣе, какъ органомъ общества, а для Зиммеля—точкой скрещиванія различныхъ соціальныхъ воздѣйствій. Для того и другого воззрѣнія, какъ для всякаго соціологическаго пониманія личности, въ ней не можетъ быть иного содержанія и значенія, кромѣ того, который она имѣетъ, какъ часть соціальнаго цѣлаго. Задача ставится здѣсь именно такъ, чтобы разсматривать личность въ этой связи съ цѣлымъ, и всякое признаніе за ней извѣстной роли въ образованіи этого цѣлаго должно быть сдѣлано только съ этой же точки зрѣнія. Какъ бы мы ни измѣняли здѣсь термины и формулы, все же эта роль будетъ сводиться къ значенію передаточной инстанціи общаго движенія,—ускоряющей или замедляющей это движеніе, но въ безусловной зависимости отъ способности среды къ этому ускоренію или замедленію. Однимъ словомъ, что бы ни говорили историки и соціологи о значеніи личности, въ предѣлахъ соціологическаго взгляда она должна остаться замкнутой въ цѣпь исторической закономѣрности. Вопросъ о моральномъ значеніи и моральномъ призваніи личности, какъ свободнаго центра нравственныхъ опредѣленій, здѣсь сознательно устраняется. Вотъ почему намъ кажется непонятнымъ, когда на почвѣ этого взгляда развиваютъ идею о неотъемлемыхъ правахъ человѣка и гражданина, т. е. о безусловномъ нравственномъ зна-

ченіи личности. Тамъ, гдѣ личность берется, какъ звено общаго движенія, ея положеніе опредѣляется всецѣло временными условіями среды.

Но подобное соціологическое опредѣленіе личности не есть единственно возможное. Кромѣ этого, личность подлежитъ опредѣленію со стороны этики и метафизики. Къ этому и склоняется то возрожденіе индивидуализма, о которомъ мы замѣтили выше. Особенно знаменательнымъ я считаю теченіе, столь замѣтно проявившееся на родинѣ соціологіи, во Франціи, со времени Ренувье. Этотъ тонкій и проницательный мыслитель основательно связалъ свою защиту индивидуализма съ опроверженіемъ „химеры безусловного значенія причинности“ („la chimère du principe de causalité poussée à l'absolu“). Этимъ самымъ онъ поставилъ проблему на почву морали, какъ явленіе нравственной свободы. Въ этомъ смыслѣ личность какъ бы вырывается изъ исторіи, изъ естественнаго хода событій и провозглашается свободнымъ и абсолютнымъ центромъ самостоятельныхъ опредѣленій. Изъ другихъ горячихъ сторонниковъ индивидуализма, слѣдовавшихъ за Ренувье, я въ особенности назову Анри Мишеля и Бёдана, которые имѣютъ ближайшее отношеніе къ политикѣ и праву. Значеніе личности получаетъ и для нихъ особый моральный характеръ, невыразимый въ терминахъ позитивной соціологіи. У насъ въ Россіи на защиту индивидуализма возсталъ въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ Б. Н. Чичеринъ, и къ тому же приводитъ новѣйшее идеалистическое теченіе, которое утверждается теперь какъ господствующее. Инди-

видуалистическая идея нашихъ дней представляется лишь частнымъ проявленіемъ той общей реакціи противъ универсальнаго значенія историзма и позитизма, о которомъ мы говорили ранѣе. Все это черты общаго возрожденія метафизики и моральной философіи, которая въ разныхъ видахъ всюду заявляетъ о своей самостоятельности. Правильно понятая, эта философія нисколько не устраняетъ историзма и соціологизма, а только отводитъ имъ то мѣсто, которое должно имъ принадлежать — мѣсто правомѣрнаго, но не единственнаго способа разсмотрѣнія соціальныхъ явленій.

Мы сказали выше, что нормативно-этическое разсмотрѣніе беретъ нравственное начало, какъ внутреннюю абсолютную цѣнность. Оно сознательно противопоставляетъ себя историческому взгляду, и въ полной противоположности съ утверждаемой этимъ взглядомъ относительностью нравственныхъ явленій говоритъ объ ихъ абсолютной основѣ. Предшествующія замѣчанія даютъ намъ возможность разъяснить, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать этотъ абсолютизмъ. Тѣ, кто о немъ говорятъ, нисколько не думаютъ отрицать очевидной измѣнчивости нравственныхъ воззрѣній, измѣняющихся съ теченіемъ времени въ соотвѣтствіи съ перемѣнами въ общественной средѣ. Понятіе абсолютной цѣнности нравственнаго долженствованія имѣетъ совершенно иной смыслъ. Это—абсолютизмъ не факта, а идеи, не проявленія, а сущности, не конкретнаго содержанія, а отвлеченной формы. Абсолютизмъ нравственнаго закона относится къ той формѣ всеобщаго долженствованія,

въ которой онъ только и можетъ мыслиться. Содержаніе нравственныхъ законовъ можетъ мѣняться, но всегда за ними остается эта форма—не условныхъ совѣтовъ, а безусловныхъ предписаній, форма категорическихъ императивовъ. Проистекая изъ глубины нравственнаго сознанія, эта форма является въ немъ, какъ неизмѣнное стремленіе къ воплощенію нравственнаго идеала. Ступени этого воплощенія могутъ быть различны, но всегда въ нихъ проявляется одна и та же тенденція—найти содержаніе для безусловнаго нравственнаго закона, во временномъ актѣ проявить силу безконечнаго порыва. Въ измѣняющихся нравственныхъ воззрѣніяхъ, какъ бы разнообразны они не были, мы всегда найдемъ отраженіе этой безконечной цѣли, стремленіе къ этой абсолютной формѣ.

Этимъ характеромъ безусловнаго нравственнаго долженствованія отличается и та основа нравственнаго закона, которую слѣдуетъ признать въ понятіи личности. Безусловно связанное съ идеей нравственности, какъ ея необходимое предположеніе, оно опредѣляетъ и ея неизмѣнную цѣль. Но само по себѣ, оно не даетъ никакихъ конкретныхъ указаній; эти послѣднія проистекаютъ изъ разнообразныхъ историческихъ условій въ которыя ставится личность.

Въ опроверженіе безусловности нравственнаго закона часто ссылаются на то, что въ сознаніи человѣчества онъ уясняется только постепенно, какъ плодъ болѣе зрѣлой культуры. Но на этомъ основаніи можно было бы отрицать и безусловность научной истины. Здѣсь

упускаются изъ вида, что открытіе или признаніе извѣстнаго закона не создаетъ его значенія, а только формулируетъ его. Какъ справедливо замѣчаетъ г. Кистяковскій, эволюціонисты принимаютъ процессъ, путемъ котораго постепенно уясняются и приводятся къ сознанію человѣчества извѣстные принципы за развитіе самихъ же этихъ принциповъ. „Опредѣленное нравственное предписаніе можетъ быть только въ извѣстный моментъ открыто, такъ или иначе формулировано и затѣмъ примѣняться въ различныхъ обществахъ. Но само значеніе его совершенно не зависитъ отъ того или другого примѣненія. То, что какіе-нибудь ашанти и зулусы, что дѣти или идіоты ничего не знаютъ объ этомъ, такъ же мало касается его, какъ нравственнаго предписанія, какъ то, что о немъ не знаютъ животныя, или то, что о немъ никто еще не могъ знать, когда наша солнечная система являлась хаотической массой атомовъ“.

Но, повторяю, утверждаемый моральной философіей абсолютизмъ нравственнаго закона относится къ его формѣ и основѣ, а не къ его содержанію. Отсюда вытекаетъ та существенная особенность этого закона, согласно которой онъ является не вылитой разъ на всегда формулой, а прежде всего критикой и проблемой, „вѣчнымъ исканіемъ и безпокойствомъ“, какъ выражался Гегель. Въ моральномъ сознаніи дано безконечное стремленіе, дана безусловная форма, но содержаніе для этой формы должно быть найдено, и потому моральная жизнь является постояннымъ творчествомъ. Здѣсь каждый для

себя долженъ искать и находить, быть можетъ, выполняя ту же задачу, которую до него уже разрѣшили другіе.

Этотъ характеръ постояннаго исканія и творчества относится не только къ индивидуальнымъ рѣшеніямъ, но также и къ соціальнымъ идеаламъ. И здѣсь прежде всего выступаетъ критическій и формальный характеръ нравственнаго долженствованія. Отсюда только мы можемъ понять настоящій характеръ связи нравственнаго закона съ содержаніемъ. Какъ законъ безусловнаго долженствованія, категорическій императивъ есть форма и призывъ къ исканію. Эта форма должна быть исполнена, и призывъ долженъ привести къ опредѣленному результату. Но никогда эта абсолютная форма не можетъ быть заполнена адекватнымъ содержаніемъ, и никогда нравственный призывъ не можетъ удовлетвориться достигнутымъ результатомъ. Въ указаніи на этотъ основной фактъ нравственной жизни состоитъ глубоковажное значеніе той постановки нравственной проблемы, которую она получила у Канта.

Согласно чисто-формальному характеру высшаго нравственнаго критерія, Кантъ долженъ былъ отвергнуть возможность безусловнаго нравственнаго содержанія, которое могло бы претендовать на вѣчное признаніе. Идея личнаго или соціальнаго идеала, неизмѣннаго въ своихъ опредѣленіяхъ, этимъ самымъ подрывалась въ корнѣ. Вѣчнымъ остается лишь требованіе относительно согласія разума съ собою и вѣрности человѣка своей разумно-нравственной природѣ. Выражаясь современнымъ языкомъ, формальный нравственный принципъ есть признаніе идеи

вѣчнаго развитія и совершенствованія. Вотъ почему мы замѣтили выше, что представленіе объ измѣнчивости, о развитіи нравственныхъ идеаловъ есть не только принадлежность историческаго созерцанія, но также и основной выводъ моральной философіи. Формальный принципъ морали устраняетъ одинаково и этическій консерватизмъ, и этическую утопію земного совершенства. Онъ осуждаетъ и попытки опредѣлить безусловное и неподвижное содержаніе нравственнаго идеала, и представленіе о возможности всеобщей гармоніи интересовъ и силъ, достигаемой осуществленіемъ этого идеала въ дѣйствительности. Онъ осуждаетъ одинаково и чрезмѣрность надеждъ, и упорство сомнѣній. Вѣра въ возможность найти соціальный идеалъ съ безусловно-совершеннымъ содержаніемъ побуждаетъ однихъ возлагать на лучшее будущее преувеличенныя ожиданія, а другихъ, обнаруживающихъ въ этомъ ожидаемомъ будущемъ извѣстные недостатки,— подвергать его безусловному отрицанію. Но то и другое отношеніе основано на ложномъ представленіи, будто бы въ какомъ-нибудь конкретномъ идеалѣ можетъ воплотиться абсолютная нравственная идея. Между этой абсолютной идеей и самой высокой изъ достигнутыхъ ступеней ея воплощенія всегда будетъ несоотвѣтствіе, но это должно служить не къ безусловному отрицанію достигнутой ступени и не къ сомнѣніямъ въ возможности прогресса, а къ усовершенствованію даннаго и къ исканію высшаго. Всего менѣе это отрицаніе и сомнѣніе, направленное на высшія стадіи развитія, можетъ быть оправдано съ точки зрѣнія низшихъ стадій, для кото-

рыхъ эти высшія остаются только цѣлью стремленій. У скептиковъ и практиковъ тутъ происходитъ очевидный софизмъ: вмѣсто того, чтобы критиковать свою собственную дѣйствительность, въ цѣляхъ ея усоршенствованія, они критикуютъ неизбѣжныя несовершенства чужой и высшей дѣйствительности, для того чтобы, отвергнувъ ее для себя, удержаться на данной стадіи, по существу еще болѣе далекой отъ идеала. Этотъ видъ скептическаго консерватизма находитъ для себя безусловное осужденіе съ точки зрѣнія нравственнаго идеализма. Скептическое отрицаніе прогрессивныхъ стремленій, подъ тѣмъ предлогомъ, что они все равно не устранятъ всѣхъ бѣдствій, есть слѣдствіе того эвдемонистическаго направленія, которое спокойствіе общественной жизни ставитъ выше нравственнаго прогресса и мирный сонъ предпочитаетъ дѣятельной тревогѣ духа. Но тотъ, кто продумаетъ нравственную проблему до конца и вполнѣ, не можетъ колебаться въ выборѣ между спокойной жизнью и достойной жизнью: нравственный законъ указываетъ только одинъ путь къ своему осуществленію, и этотъ путь есть вѣчное исканіе и стремленіе.

Но иногда тревога за будущее проникаетъ и въ настроеніе болѣе крупныхъ и даже возвышенныхъ мыслителей, которые мечтаютъ въ такомъ случаѣ объ изобрѣтеніи могущественныхъ консервативныхъ средствъ. Не легко примириться съ мыслью, что тому цѣлому, къ которому мы принадлежимъ, можетъ грозить опасность распаденія или конца. Но нѣтъ въ человѣческой власти такихъ средствъ, которыя могли бы предотвратить неиз-

бѣжный процессъ развитія и уничтоженія, а если бы такія средства и могли быть найдены, ихъ слѣдовало бы отвергнуть съ нравственной точки зрѣнія. Ибо никакъ нельзя доказать, чтобы для общества и даже для всего человѣчества нравственный вопросъ рѣшался иначе, чѣмъ для отдѣльной человѣческой личности. А для отдѣльной личности онъ рѣшается такъ, что достойное и нравственно-цѣнное существованіе должно быть предпочтено продолжительному и спокойному существованію. Для нравственнаго идеализма иного рѣшенія быть не можетъ. Жизнь, съ этой точки зрѣнія, принадлежитъ человѣку не для того, чтобы просто жить, а чтобы жить достойнымъ образомъ, чтобы выполнить свое нравственное призваніе.

Всѣ высказанныя здѣсь опредѣленія утверждаютъ насъ въ мысли, что идея естественнаго права съ измѣняющимся содержаніемъ есть прямой выводъ изъ основныхъ понятій нравственнаго идеализма. Какъ выраженіе безконечныхъ стремленій, нравственная идея не удовлетворяется никакимъ даннымъ содержаніемъ, никакимъ достигнутымъ совершенствомъ, но постоянно стремится къ высшему и большему. Это нисколько не исключаетъ положительнаго отношенія къ извѣстнымъ конкретнымъ цѣлямъ и стремленіямъ. Нравственная идея требуетъ направлять наши стремленія на возможно высшую конкретную цѣль, и пока не откроются дальнѣйшія перспективы, въ осуществленіи этой цѣли заключается единственный возможный путь къ воплощенію въ жизни нравственнаго закона. Будучи по существу кри-

тическимъ и формальнымъ, моральный принципъ нисколько не устраняетъ возможности своего сочетанія съ временными конкретными цѣлями. Онъ исключаетъ только одно: чтобы какая-либо конкретная цѣль объявлялась вѣчной и послѣдней. Всякій данный идеалъ морали допускаетъ „оговорку о возможности высшей цѣли, къ которой мы должны будемъ обратиться, если высшій взглядъ се откроетъ".

Изъ этого вытекаетъ, что нравственная идея всегда заключаетъ въ себѣ преобладаніе критическихъ стремленій надъ положительными указаніями. И дѣйствительно, самыя возвышенныя идеальныя построенія нерѣдко бывали сильны своимъ критическимъ духомъ и слабы своими положительными предначертаніями. Но не слѣдуетъ умалять значенія этихъ построеній указаніемъ на преобладаніе въ нихъ критическаго элемента. Напротивъ, было бы гораздо правильнѣе подчеркнуть созидательную силу этой критики—die schaffende Lust der Zerstörung. Часто говорятъ, что критика неумѣстна, если она не сопровождается ясно поставленной практической цѣлью и подробнымъ планомъ будущаго. Но можно ли ставить эти двѣ задачи на одну линію? Практическое осуществленіе нравственныхъ стремленій въ общественной жизни есть задача величайшей сложности, выполненіе которой находится въ связи съ коллективнымъ процессомъ исторіи. Личность можетъ заявить здѣсь свои нравственныя требованія, но она не можетъ ни предначертать всѣхъ подробностей ихъ выполненія, ни замѣнить своей индивидуальной мыслью совокупнаго дѣй-

ствія массъ. Нравственныя требованія, обращаемыя къ будущему, опираются на осужденіе настоящаго, уже обнаружившаго свои недостатки, уже яснаго въ своихъ несовершенствахъ, но ожидаемое будущее никогда не можетъ быть яснымъ въ своихъ конкретныхъ чертахъ. Однако, неясность практическихъ подробностей не ослабляетъ силы нравственныхъ требованій и критическихъ стремленій. Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о долженствующемъ быть, проистекающія отсюда сужденія высказываются съ самозаконной независимостью, безъ отношенія къ условіямъ ихъ осуществленія.

Мы указали выше на возможность сочетанія формальнаго нравственнаго принципа съ конкретными цѣлями и стремленіями. Но пока мы остаемся на почвѣ безусловныхъ моральныхъ опредѣленій, мы лишены возможности остановиться на какихъ-либо конкретныхъ цѣляхъ. Это нисколько не говоритъ противъ важности отвлеченныхъ опредѣленій. Мы, напротивъ, хотѣли бы подчеркнуть ихъ огромное значеніе, столь часто ускользающее отъ вниманія какъ практиковъ, такъ и теоретиковъ, занимающихся разработкой спеціальныхъ областей общественной науки. Только отсюда спеціальная работа и практическая дѣятельность могутъ получить философски обоснованныя принципіальныя указанія, только отсюда возможно почерпнуть представленіе о надлежащемъ пониманіи нравственной задачи. Отвлеченный анализъ идеи должнаго, по справедливому замѣчанію Виндельбанда, не даетъ совѣтовъ для рѣшенія вопросовъ дня, но за то онъ вознаграждаетъ напоминаніемъ о томъ, что будетъ

имѣть значеніе одинаково въ концѣ дней, какъ и въ ихъ началѣ. Для тѣхъ, кто хотѣлъ бы убѣдиться, насколько плодотворнымъ можетъ быть подобный анализъ, мы рекомендуемъ прочесть хотя бы ту статью Виндельбанда, изъ которой взяты приведенныя слова, — „Vom Princip der Moral“ (въ сборникѣ „Präludien“), или же извѣстную главу Штаммлера (въ сочиненіи: „Wirtschaft und Recht“): „Vom socialen Ideal“.

Однако, признавая за этимъ анализомъ глубоко важное значеніе, мы нисколько не ограничиваемъ этимъ задачи идеальныхъ построеній. Отвлеченная моральная философія указываетъ только общія цѣли и основные принципы; она даетъ нравственной волѣ только общее направленіе. Но сущность нравственной воли проявляется не въ одной возвышенности ея идеаловъ, а также и въ потребности дѣйствія. Нравственный законъ не можетъ остаться только отвлеченной нормой: онъ долженъ найти свое осуществленіе во внѣшнемъ мірѣ. Здѣсь передъ нами раскрывается новая сторона моральной проблемы, которая приводитъ ее въ связь съ міромъ дѣйствительныхъ отношеній; и такъ какъ осуществленіе нравственнаго закона при данныхъ условіяхъ зависитъ не только отъ нашей воли и силы ея нравственныхъ стремленій, но также и отъ наличныхъ средствъ, то здѣсь представленіе о нравственномъ долженствованіи должно быть восполнено изученіемъ причинныхъ соотношеній. Какъ справедливо замѣчаетъ Зигвартъ, въ своемъ непосредственномъ примѣненіи этика тотчасъ же переходитъ въ педагогику и политику, которыя имѣютъ цѣлью опре-

дѣлить цѣлесообразное пользованіе данными силами при данныхъ условіяхъ.

Для насъ въ особенности важно отмѣтить, что при этомъ сочетаніи безусловныхъ нравственныхъ началъ съ міромъ дѣйствительныхъ отношеній мы вмѣстѣ съ тѣмъ должны восполнить принципъ этическаго индивидуализма понятіемъ общественнаго развитія. Основаніе и цѣль нравственности есть личность, но развитіе личности совершается въ условіяхъ общественной среды. Вотъ почему нравственный законъ не можетъ остаться индифферентнымъ къ этимъ условіямъ, но долженъ требовать приспособленія ихъ къ своимъ цѣлямъ. Общество, по своему существу, есть не ограниченіе личности, а ея расширеніе и восполненіе. Но для того, чтобы оно соотвѣтствовало своему существу и своей цѣли, оно должно быть соотвѣтствующимъ образомъ организовано, и въ этомъ заключается великая задача соціальнаго прогресса.

Понять значеніе соціальнаго прогресса для цѣлей самой личности составляетъ заслугу новѣйшей моральной философіи. Въ этомъ именно заключается огромный шагъ, который былъ сдѣланъ философіей Гегеля. Но здѣсь легко было впасть въ преувеличеніе и принять средство за цѣль. Это и случилось съ Гегелемъ, который въ развитіи общества видѣлъ самобытный процессъ, отражающій проявленіе абсолютнаго духа. Между тѣмъ правильное соотношеніе состоитъ въ томъ, чтобы видѣть въ общественной организаціи и соціальномъ прогрессѣ только средства къ развитію лицъ. Какъ замѣ-

чаетъ Б. Н. Чичеринъ, возражая Гегелю, „истиннымъ выраженіемъ духа являются не формальныя и мертвыя учрежденія, а живое лицо, обладающее сознаніемъ и волею... Въ этомъ именно и состоитъ существо духа, что орудіями его являются разумныя и свободныя лица, они составляютъ самую цѣль союзовъ".

Въ сочетаніи нравственнаго начала съ условіями общественнаго развитія заключается задача объективной этики, которая разсматриваетъ вопросъ объ условіяхъ осуществленія нравственнаго закона. Здѣсь-то мы встрѣчаемся съ проблемой естественнаго права въ ея практической постановкѣ. Когда ставится вопросъ объ организаціи общества, мы необходимо вступаемъ въ область политики и права: это и есть сфера естественно-правовыхъ построеній. Свои исходныя начала, свои высшіе принципы естественное право получаетъ отъ моральной философіи, и такимъ образомъ первая линія его опредѣленій слагается изъ отвлеченныхъ требованій моральнаго закона. Но это только первая линія: далѣе необходимо изученіе конкретныхъ условій и построеній идеала, къ нимъ приближающагося. Это уже вопросъ не о цѣли, а о средствахъ. На помощь этикѣ здѣсь должна притти совокупность всѣхъ тѣхъ наукъ, которыя изучаютъ причинныя соотношенія общественной жизни: и политическая экономія, и соціологія, и юриспруденція, и исторія должны быть приняты во вниманіе и привлечены къ разрѣшенію сложнаго вопроса о соціальномъ прогрессѣ. Но не слѣдуетъ забывать, что значеніе этихъ наукъ въ данномъ случаѣ чисто служебное: онѣ должны

явиться арсеналомъ средствъ для тѣхъ цѣлей, которыя указываются этикой. Первенство принадлежитъ нравственному долженствованію: причинныя соотношенія берутся только въ соотвѣтствіи съ этимъ высшимъ и первенствующимъ принципомъ. Строить систему нравственныхъ опредѣленій въ обратномъ порядкѣ, начинать отъ условій и причинъ и затѣмъ уже переходить къ принципамъ и цѣлямъ,—какъ на этомъ между прочимъ настаивалъ позитивизмъ, — значитъ ставить вопросъ на совершенно ложную почву: тутъ есть опасность полнаго извращенія нравственной проблемы. Вмѣсто того, чтобы получить широкую и принциніальную постановку, она рискуетъ погрязнуть въ узкой сферѣ даннаго опыта и въ мелкихъ соображеніяхъ практической жизни.

И прежде всего, здѣсь есть опасность утратить ту абсолютную основу естественнаго права, которая раскрывается намъ въ моральной идеѣ личности. Въ качествѣ идеала, создаваемаго въ виду несовершенствъ существующаго порядка, естественное право можетъ служить для самыхъ различныхъ стремленій; но съ давнихъ поръ оно сроднилось съ индивидуализмомъ, какъ съ наиболѣе законной формой своего выраженія, и въ этомъ видѣ, на этой почвѣ оно получило свое широкое развитіе. Дѣло въ томъ, что вмѣстѣ съ протестомъ противъ положительнаго права, естественно-правовая идея всегда несетъ съ собой и протестъ противъ власти, отъ которой исходятъ положительные законы. Въ качествѣ границы для этой власти можно было указывать на высшій нравственный законъ, на волю Божію, какъ это

часто дѣлали въ средніе вѣка, но еще чаще въ качествѣ противовѣса власти выставлялись притязанія отдѣльныхъ лицъ. Такой именно смыслъ имѣютъ естественно-правовыя теоріи новаго времени, формулировавшія впервые идею неотчуждаемыхъ правъ личности. Разсматриваемое съ этой точки зрѣнія естественное право является выраженіемъ того самостоятельнаго абсолютнаго значенія личности, которое должно принадлежать ей при всякихъ формахъ политическаго устройства. Въ этомъ видѣ оно является болѣе, чѣмъ требованіемъ лучшаго законодательства: оно представляетъ протестъ личности противъ государственнаго абсолютизма, напоминающій о той безусловной моральной основѣ, которая является единственнымъ правомѣрнымъ фундаментомъ для общества и государства.

На этой основѣ должны быть установлены и выведены всѣ нормальныя соотношенія общественности, и въ этомъ выведеніи опытная наука объ обществѣ можетъ оказать огромную услугу. Не изъ нея почерпаетъ моральная идея свои лучшія вдохновенія, свои смѣлыя перспективы, но она можетъ изъ нея почерпнуть представленіе о практическихъ средствахъ для осуществленія своихъ цѣлей. Прошло то время, когда философы предлагали идеальныя построенія, въ видѣ красиваго полета фантазіи, въ видѣ произвольной мечты, отрѣшенной отъ дѣйствительности. Научность, научный духъ проникаютъ всюду; и естественное право, если оно должно возродиться, какъ живая идея, а не какъ антикварный про-

дуктъ временъ давно минувшихъ, должно не только опираться на углубленный философскій анализъ, но еще и войти въ союзъ съ наукой. Оно должно выступить во всеоружіи всѣхъ данныхъ человѣческой мысли, для того, чтобы смѣло бороться съ общественнымъ зломъ и очищать путь нравственнаго прогресса.